

Кинк. Право на удовольствие

Автор:

Тальяна Орлова

Кинк. Право на удовольствие

Тальяна Орлова

Жутко горячие властные пластилинчики

Аннотация: Горячо, порочно, грязно, аморально – только эти определения я слышала о заведении под названием «Кинк». А там мне объяснили, что у каждого человека найдется спусковой крючок – именно он превращает все определения в «свободно». Мне давно пора выходить за свои рамки, ведь старые не делали меня счастливой. В тексте есть: – нецензурная лексика (в микродозах); – откровенные и спорные сцены; – преображение героини, борьба с комплексами.

Тальяна Орлова

Кинк. Право на удовольствие

Глава 1

Если кому-то придет в голову воссоздать всю хронологию событий, то ответственно заявляю – первым я встретила Владимира.

– Пиздец, – с этого слова и началось наше знакомство. Знаменательно. Почти пророчески.

Терпеть не могу матершинников. Но он еще добавил:

– Ты как? Не обожглась?

Больше, чем матершинников, я не выношу людей, обращающихся к незнакомцам на ты. Мне кажется, это показывает уровень культуры даже сильнее, чем нецензурная лексика. Острая реакция на подобные вещи обусловлена семьей, в которой я воспитывалась – чрезвычайно интеллигентной. И то же самое воспитание заставило меня вскрикнуть:

– Простите, пожалуйста! Совсем по сторонам не смотрю!

Его глаза сузились, а первый шок сменился на веселую ухмылку:

– Спятила? Это же я на тебя налетел. – Улыбка на секунду стала чуть шире, но вновь потухла, когда он бросил взгляд на мою залитую кофе футболку и повторил вопрос: – Не обожглась?

Вроде бы мы вышли с одного рейса, но в салоне самолета я его не видела. Он мог находиться и в бизнес-классе. Теперь, когда я разглядела лучше, поняла наверняка – этот определенно находился в бизнес-классе. Уж слишком от делового костюма разило благосостоянием. Часы на руке, ботинки до блеска начищены, черная рубашка с едва заметной сатиновой глубиной. Похож на итальянца – смуглый, темноволосый. Так я и решила бы, не приди в голову мужчине начать общение с исконно русского термина. Широкие брови, высокие скулы, а под ними недельная щетина, выглядевшая очень жесткой, но глаза слишком светлые для такого типажа – голубые или серые, в прищуре не разглядеть, но с тем же самым сатиновым отблеском. Если бы моей интеллигентной маме пришлось в голову спрашивать, что мне в мужчинах не нравится больше невоспитанности, то я бы с уверенностью назвала недельную щетину. Она вызывала такой мощный диссонанс с дорогим костюмом и золотыми часами, что как будто специально для контраста и отращивалась. До неприличия, почти демонстративно, привлекательный, самоуверенный мужчина около тридцати, избалованный деньгами и собственной натурой, – от таких добрые родители прячут невинных дев за семью замками. Да, этот точно из бизнес-класса.

Проследила за направлением его взгляда и невольно поморщилась. Белоснежная футболка безнадежно испорчена. Мы столкнулись очень неудачно – мужчина держал в руке стакан с американо, и теперь кофе коричневым пятном закрывал половину изящного рисунка на груди. Я не обожглась, но было очень обидно. Футболка, волею случая, стала единственной вещью, которую я успела купить для себя в первой в жизни поездке за границу. Это как сувенир с практической пользой! Сувениры для родственников и друзей – более значимые и без практической пользы – занимали половину моей сумки.

– Эй, тебе больно? – Незнакомец сделал еще шаг ко мне и даже за плечо тронул, привлекая к себе внимание. Но в тоне появилось легкое раздражение, а не сочувствие: – Чего молчишь-то? Обожглась или разозлилась?

– Нет, что вы! – Я вновь заставила себя посмотреть в серые глаза. – Не беспокойтесь, пожалуйста!

Но он никак не унимался:

– Давай хоть стоимость возьму. Вообще-то, я обычно симпатичных девчонок не поливаю кофеином. А если и поливаю, то совсем не кофеином. – Он снова улыбнулся, выделяя иронию и, видимо, ожидая получить улыбку в ответ.

Я и улыбнулась – а что еще делать, когда от тебя этого явственно ожидают? Футболку мне было бесконечно жаль, но дело вовсе не в цене – не так уж много я на нее потратила. Домой теперь явлюсь в подобном виде... А так хотелось поразить хоть какими-то изменениями. Отметила про себя, что мужчина назвал меня симпатичной. Не ирония, не насмешка, просто такие разухабистые типы флиртуют без напряжения – они говорят или матами, или комплиментами. Ставлю на то, что конкретно этот брутальный образец местного мажорства занимается торговлей, – от их братии лесть звучит особенно легко и ненатурально.

Я аккуратно отступила, чтобы он не посчитал мое действие слишком резким, и ответила:

– Не стоит, что вы! Это недорогая футболка, ничего страшного.

– А чего глазки тогда такие грустные?

Не стану же я постороннему человеку объяснять, как носилась по Варшаве в последние два часа, успевая купить подарки для всех, а эта белая вещица попала на глаза – и я не удержалась, решила, что и сама заслужила подарок. Особенно такой, который Олега приведет в изумление. Любимый часто говорил, что я о себе думать не умею, и вот оно – доказательство. Ныне испорченное.

Улыбнулась как можно шире, чтобы подчеркнуть отсутствие катастрофы, однако итальянец-матершинник расценил мою приветливость по-своему и тоже растянул расслабленную мину.

– Меня Володей зовут.

– Лиля, – ответила я, просто потому что нельзя не ответить. И исправилась: – В смысле, Лилия.

– Серьезно? – Он слегка изогнул широкую бровь.

– Вполне, – удивилась и опять нахмурилась.

Он рассмеялся – громко, не стесняясь окружающих.

– Верю. Просто обычно такими славными именами девочки по вызову представляются – легко запомнить и проникнуться.

– Что?! – Я, забыв о воспитанности, отшатнулась.

– Ничего, пошутил я, – он сказал примирительно. – А зачем все еще тут стоишь?

Да что же он ко мне прицепился? Ладно бы только кофе облил – это даже не происшествие. Но общение явно затянулось, и никак не придумывалась причина вежливо от него избавиться:

– Чемодан свой жду. Все пассажиры багаж получили, а моего еще нет.

– Наркотики транспортируешь? На досмотре попалась?

– Что?! – отреагировала я еще громче.

Владимир как-то устало закатил глаза к потолку и вздохнул. Потом махнул рукой и прошел мимо к конвейерной ленте. Начал спрашивать мужчину в форме, торопить. Зачем он устраивает шум? Мне еще скандала не хватало из-за пятнадцати минут ожидания! Избалованный перец, такие всегда на рожон лезут, изображая из себя хозяев мира.

Однако через пару минут окликнул:

– Лиль, твоё?

Я схватила серый чемодан и принялась благодарить – в первую очередь сотрудников, конечно, но и Володе адресовала одно из своих «спасиб». Похоже, накладку произошла случайно – мой багаж просто забыли на погрузчике. Поспешила отойти, чтобы не мешать работе своими вещами. Володя настиг меня в полтора шага.

– Тебя встречают? На стоянке мой водитель ждет – давай хоть подкинем тебя куда надо. Засчитаешь извинением за пятно на футболке.

– О, не стоит беспокоиться! Я на такси.

– Я и не беспокоюсь, Лиль. Идем. Я, может, и маньяк, но на водителя глянешь – душевнейший человек. И если тебе так не покажется, там тебя на такси и посажу.

Он ловко перехватил ручку и покатыл чемодан вперед, а мне пришлось догонять. Если честно, я не погрузилась в страх, что он мои вещи похитить собрался – не воруют торговцы из бизнес-класса потерянные чемоданы. Похоже, действительно посчитал себя обязанным хоть чем-то помочь «кофеиновой жертве». А я никак не могла придумать слов отказа, чтобы он помогать перестал.

Про водителя Володя не соврал – от черного квадратного джипа к нам шагнул мужчина, тоже в деловом костюме, но куда попроще. И с абсолютно

непроницаемым лицом теперь сам перехватил мой чемодан за ручку, чтобы погрузить в багажник. Мне лишь кивнул, будто именно меня и ожидал увидеть в такой компании.

– Как долетели, Владимир Алексеевич? Звонили из конторы – у вас телефон отключен.

– Все отлично. Сейчас девушку подвезем, потом к Артему.

– Конечно.

В том, что это именно водитель, я не сомневалась. Уж очень по-деловому прозвучал их диалог, хотя сам автомобиль не производил впечатления утонченности: внедорожник на огромных колесах – бесспорно, тоже недешевый и солидный, но подчеркнуто грубоватый. А я все еще не придумала слов отказа, хотя и не усомнилась, что меня не пытаются похитить или что-то в этом духе. Просто зачем такие хлопоты? Из-за какой-то футболки? Но вдохнула и отправилась по направлению за своим чемоданом.

Володя занял место сзади рядом со мной. У меня только коротко спросили адрес и перестали обращать внимание. Он вынул смартфон и включил, сделал несколько звонков, большинство из которых заключались во фразах: «Да, прилетел» и назначении времени встречи. Только в разговоре с одним собеседником он рассмеялся и ответил на вопрос чуть подробнее: «Так отдохнул, что мне еще пару недель отдыха требуется. Ах ты ж зверюга трудоголичная... Да сегодня, сегодня заеду, не шипи». Я смущенно пялилась в боковое окно и изображала, что меня здесь нет. Однако успокоилась окончательно. Олегу, конечно, об этой поездке рассказывать не стану – разозлится и снова назовет меня слишком наивной, раз с незнакомыми мужиками в машину села. И ведь будет прав, а я терпеть не могу, когда люди правы в описании моей доверчивости.

– Лиль, – Володя отвлек меня от созерцания. – Как тебе Варшава? Была в Лазенковском дворце?

– Не была, – я ответила после паузы, а расслабленность дала возможность для более развернутого ответа: – Я не туристом туда ездила, а по работе.

– Вон оно что. Сочувствую. – Он смотрел на меня довольно внимательно, это немного сбивало с мысли.

– Напрасно! – чуть взвилась я. – Это отличный шанс проявить себя! В моей фирме отбирали самых ответственных сотрудников для этой командировки!

– Вот сейчас не понял. – Володя слегка подался вперед, ему как будто было важно смотреть собеседнику в глаза. – И ты оказалась единственной достойной?

– Нет, конечно!

– А-а, – он сделал паузу, поскольку ему его интерес казался резонным, – где же тогда остальные?

– Еще на несколько дней задержались... отдохнуть, на банкете с партнерами отпраздновать. А мне надо было документы привезти и отчет составить.

– Посмотреть Лазенковский дворец они остались? – Владимир ухмыльнулся.

– Возможно.

Я не понимала причину его саркастического взгляда, но отчего-то захотелось объясниться:

– Вообще-то, это нормально. Я самая молодая из команды. Логично, что мне и выполнять основные поручения. И без того я очень благодарна начальнице за такую возможность!

– Логично, – неожиданно согласился он. – А работаешь кем?

– Бухгалтером, – я почему-то начала краснеть, будто призналась в чем-то непристойном.

Мужчина заговорил очень вкрадчиво:

– Лиль, а правильно ли я понимаю, что ты, самый молодой бухгалтер, и отправлялась в эту командировку только для того, чтобы хоть кто-то работу делал, пока все остальные занимаются, – он хмыкнул, – нетуризмом?

– Возможно! – ответила с небольшим вызовом. – Это странно?

– Да ничего странного. Ездят на том, кто возит, – он помолчал немного, подбирая слова. – Слушай, Лиль, я до пятницы буду занят, но в субботу утром мы могли бы с тобой встретиться в каком-нибудь кафе. Поболтаем о том о сем.

Меня предложение потрясло так сильно, что я снова начала испытывать страх. Взвизгнула, приложив к тону весь имеющийся гнев:

– Я замужем!

– Ты решила, что я к тебе подкатываю? – Он улыбался теперь мягко, однако глаза оставались внимательными. – Ничего подобного, даже не надейся, у меня очередь на полгода вперед расписана. Просто выпьем кофе и поговорим. Ты в аэропорту до завтрашнего дня бы стояла, не осмеливаясь свои вещи потребовать, а теперь еще добавились детали. От этого надо избавляться, Лиль, как от проказы, иначе так за всю жизнь ничего сто?ящего и не увидишь. Обещаю, что на этот раз буду вливать кофе в себя, а не на тебя. Считай этот жест тоже извинением за произошедшее.

Если начистоту, то я и не ощущала от него романтического интереса. Но какая-то заинтересованность была. Что же его так во мне озадачило? И, не найдя другого ответа, я повторила несколько глупо:

– Я замужем, – почти не преувеличила, поскольку разницу официального брака с гражданским вижу только в штампе, больше ни в чем.

– Могла бы просто сказать «нет», хотя ты и этого не умеешь. Но врать-то зачем?

Я уставилась на него в изумлении.

– Я не вру!

Володя говорил теперь спокойно, будто терял интерес к разговору, а продолжал по инерции:

– Замужних женщин в аэропорту встречает муж, иначе на кой хер вообще придумали браки?

– Олег на работе, – объяснила я, успокаиваясь. – Да и зачем мотаться в такую даль, если я и сама спокойно могу добраться?

Но мужчина зачем-то повторил задумчиво:

– Замужних женщин в аэропорту встречает муж. – Он надолго затих, а потом как будто о чем-то вспомнил и вынул бумажник. Долго искал среди купюр и визиток, пока не вытянул одну. Вновь повернулся ко мне. – Настаивать не буду, жизнь твоя. Но вот это возьми. Заведение работает с пятницы по воскресенье. Мне владелец за рекламу приплачивать должен. – Володя усмехнулся. – Возьми. В «Кинке» очень дорого, а с этой карточкой тебя пропустят бесплатно. И если когда-нибудь решишь избавляться от своей зажатости, то там и начнешь. Да и мы скорее всего только там сможем случайно пересечься.

Визитку я взяла – не могла обидеть человека, который настойчиво предлагает помощь в разрешении непонятно какой проблемы. Белый пластик с надписями. Прочитала и вздрогнула: большими квадратными красными буквами было выведено непонятное слово «Кинк» – видимо, название ночного клуба, наискось по углу перечеркнутое буквами «V.I.P». Через пару секунд я припомнила, что слышала о нем от знакомых – без подробностей, но с придыханием. Более мелким шрифтом под названием светилось: «Аморально, грязно, свободно». Ужасный рекламный слоган, хуже не придумаешь. Понятное дело, что и ноги моей в этом «Кинке» не будет, а уж карта vip-клиента такого места полетит в мусорку первым делом. Но Владимиру я ответила с легким кивком, прекрасно понимая, что такая карта должна стоить дорого и подобный широкий жест нельзя проигнорировать:

– Большое спасибо!

Когда подъехали к моему дому, Владимир уже снова говорил по телефону и лишь махнул рукой, устав изображать хоть какой-то интерес к моей персоне. Но я вежливо попрощалась и с ним, и с водителем, после чего радостно потащила

чемодан в подъезд.

Глава 2

– Олежа, ты уже дома?

Я с улыбкой стаскивала ботинки в прихожей, радуясь возвращению домой и шуму на кухне. Улыбнулась еще шире, расслышав грохот и нервное:

– Заяц, ты? Проклятие, почему нет ни одной чистой тарелки?

Я рассмеялась. Откуда возьмется чистая посуда, если меня здесь не было? Олег вышел навстречу, вытирая руки полотенцем.

– С прилетом, Лилька. Да, сегодня отпустили пораньше. Наконец-то ты вернулась, я очень рад!

«Женщин в аэропорту встречает муж» – было повторено мне дважды. Будто бы Владимир не знает, что счастье совсем в другом: в ощущении, что тебя ждут дома. Сейчас мы обнимемся, а потом я разгребу посудные завалы и приготовлю ужин на двоих, Олегу точно надоело питаться полуфабрикатами в мое отсутствие. И наступит полная идиллия, конец разлуке. А вечером я усядусь за отчет, завтра на работе нужно будет доказать, что доверие начальства я оправдала на сто процентов.

Но до этого есть еще несколько приятностей. Я остановила Олега, шедшего в зал с тарелкой:

– Я купила подарки!

Конечно, он знал, что в моем чемодане ничего особенно не найдется, – особенное обычно стоит немислимых денег. Я поспешила с вещами в зал, там уселась на пол, выворачивая вещи и отыскивая нужное.

– Это Кире, – объяснила, назвав имя лучшей подруги и отложив один из маленьких пакетиков с польской бижутерией. – А вот настенные часы для мамы с папой, им должно понравиться. А это Кириллу.

Олег наблюдал за моими действиями:

– А Кириллу зачем?

Мне отчего-то стало немного стыдно – ведь я не свои деньги спускала, а наши общие.

– Как же? – все-таки ответила с улыбкой. – Он же приятель Кире, некрасиво его игнорировать.

– Ой, да брось, Лилька. У твоей Кирки таких любовников десяток был до Кирилла и десяток будет после. И ты каждого будешь привечать? Мы уже в следующем месяце об этом хлыще не вспомним.

Я не стала спорить. В некотором смысле Олег прав – Киру нельзя назвать монашкой: она, яркая красавица-блондинка, уже с первого курса института меняла парней, как только надоедали. Но я ее знаю, с Кириллом у подруги все иначе – глаза светятся, про будущую свадьбу заговорила, чего я вообще от нее не ожидала. Но улыбалась я Олегу все так же широко и искреннее:

– Они уже живут вместе, глазом не успеешь моргнуть, как распишутся и обзаведутся детьми! А нас с тобой еще и свидетелями позовут – вот тогда и припомнишь подарочек из Варшавы, считай это взяткой за самые лучшие места на свадебном банкете! – я звонко рассмеялась шутке.

Но Олег нахмурился и немного подался вперед:

– Ты сейчас на что намекаешь? – Обычно эта фраза предшествовала скандалам.

– Да не намекаю я ни на что, – отмахнулась и снова зарылась в вещи, чтобы отыскать нужное и закрыть эту тему. – Вот!

Я с гордостью продемонстрировала статуэтку Сиренки. Подобные покупали все сослуживцы на Рыночной площади в качестве самых ходовых сувениров. Но Олег по защитнице Варшавы лишь мазнул взглядом.

– Нет, Лилька, ты уж прямым текстом говори – мол, твоя скоростная Кира первая выйдет замуж? А то, что мы два года вместе живем, – ерунда? Тебе в белое платье так хочется вырядиться?

Он был неправ в формулировках. Хотя бы потому, что никогда ничего подобного я не говорила. Но в сути я с Олегом была согласна: штамп в паспорте ничего не решает, а во многих случаях даже портит. Да и успеем еще – оба молоды, вся жизнь впереди. Снимаем квартиру, а вот когда на ноги встанем, тогда и можно поговорить о праздниках. Еще и родители не в восторге от наших отношений. Мои – как раз по причине, что не регистрируем отношения официально. Для них, закостенелых интеллигентов, это вопиющая ситуация. А его мама, которая в одиночку Олеженьку растила, не принимает меня ни в каком виде. Будущая свекровь даже не стесняется до сих пор невест сыну подсовывать, делая вид, что меня не существует. И сколько бы усилий я ни тратила на то, чтобы ей понравится, она не может увидеть во мне человека, достойного ее единственного сына. Какая свадьба в таких условиях? Нет, в сути я полностью мнение Олега разделяла. А раздражен он сейчас только потому, что хорошей домашней еды несколько дней не видел – мужчины, как известно, на голодный желудок чуют.

– Перестань, Олж. – Я отставила сувенир на пол и вынула красивую коробочку. – Еще и ремень. Кожаный, фирменный.

Он понял, что ссориться я не хочу, потому тоже расслабился и сполз с кресла на пол. Рассмеялся немного натянуто, подхватил статуэтку.

– Красиво! – похвалил запоздало. – Как оформим ипотеку, так специальную полку в квартире организуем для сувениров. Пылесборник, конечно, но ты же не зря в международную фирму устроилась, теперь будешь по всему миру кататься и сувениры оттуда привозить. Еще и зарабатывать больше мужика начнешь. Кто бы мог подумать, что и бухгалтеры способны так подняться?

Так мне удалось свернуть конфликт в зачатке. Не дело это – ругаться после разлуки. Потому, уже вновь счастливая, поцеловала любимого и побежала на

кухню, надо фарш разморозить. Однако настроение немного было испорчено – разумеется, не разговором о свадьбе, а выражением его лица, когда о командировке упомянул. Мне еще до отлета показалось, что Олег не в восторге. С другой стороны, а кто будет в восторге, когда жена на несколько дней от мужа улетает?

Пока жарились котлеты, я успевала пылесосить. Чемодан перетасила в спальню – потом до конца разберу, когда время будет. Но именно там меня накрыло: то ли сниженное настроение сказалось, то ли усталость от перелета. Замотанность вдруг заставила спросить с легким раздражением:

– Олег, ты курил в спальне?

– Тебя же не было. Какая разница? – он крикнул из зала.

Но разница была. Меня от табачного дыма наизнанку выворачивает, но теперь все белье, все подушки пропахли. Это мне теперь еще и стирку устраивать? Нетрудно, понятное дело, и любая хорошая хозяйка даже глазом не моргнет, но после готовки ужина и легкой уборки, а еще и отчет писать...

– Олежа, я с четырех утра на ногах, аэропорты, перелет, а теперь еще и одеяла стирать?

Мой голос прозвучал непозволительно громко. Олег показался в дверном проеме и заголосил на той же ноте, которую я сама задала:

– Ишь, цаца польская явилась, устала она от перелетов. Права начала качать. Тебя только разок выделили, и уже звездная болезнь разыгралась?

Скандал все-таки случился. И в ходе его я вдруг осознала, что моя командировка тревожила Олега намного сильнее, чем я вначале предполагала. А у него, оказывается, проблемы на работе, обсуждается сокращение штата. И раз он дома в такое время, то могла бы и догадаться, кого в списке на сокращение рассматривают в первую очередь. Но я только о себе и умею думать, вообще ничего не вижу. Я уже давно помалкивала, понимая, что сама спровоцировала этот взрыв, первая ведь начала, да и вину ощущала за то, что действительно не заметила проблем любимого, сосредоточившись на собственной радости.

Апофеозом стали безнадежно сгоревшие котлеты. В этом осознании я и утонула, будто именно котлеты могли всех спасти, но им не хватило гуманности. Пропустила мимо фразы, что «я и в постели бревно», и «в люди со мной стыдной выйти», на «непроходимую наивность» вообще внимания не обратила, всё это я слышала и раньше, чего только со злости не скажешь. Подбежала, выключила газ и разревелась – больше от котлет, чем от всего остального.

И ведь знала, что Олег нытья не выносит. Он меня давно об этом предупреждал. Потому типичный скандал вдруг и перерос в немыслимое:

– Лиля, я думаю, что нам надо отдохнуть друг от друга. Подумать, – он сказал это неожиданно спокойно. – А у тебя вещи уже собраны.

И в этом я не могла поспорить. Если останусь, то разругаемся окончательно. А так остынем, потом спокойно поговорим и снова станем счастливой семьей. Однако вырвалось:

– Но куда же мне идти?

– К родителям. – Он уже шагал в зал и опять распалялся: – Они ж повторяли, что я бесперспективный. Поезжай, обрадуй преподавательскую мамашу, что она все время была права!

Я спешно покидала еще несколько вещей в чемодан и поспешила исчезнуть, пока до осколков не разрушила наше хрупкое счастье и не услышала другие эпитеты, которые потом ночами будут разъедать мне мозг.

К родителям не поехала. Было стыдно рассказывать им о произошедшем. Понятное дело, что завтра мы с Олегом помиримся, но до того момента я выслушаю очень много о себе и своем муже. Скрепя сердце доехала на такси до Киры. Подруга, глянув на опухшее от слез лицо, молча отступила в сторону, давая мне проход.

У Киры и Кирилла однушка, один диван, на котором они вдвоем умещаются, а места для гостей нет, за что я десять раз извинилась. Но Кира сначала выслушала на кухне мой краткий рассказ о произошедшем, а после гаркнула, что уши заложило:

– Кирюх, ты на полу поспишь? А мы с нюней в обнимочку!

– Да без проблем, девчата, – ответил тот из комнаты так же громко. – И можете не стесняться, я даже рад посмотреть! Лиль, ну ты чего расклеилась?

– Сиди там, родной! У нас девчачьи разговоры!

– Да не лезу я! Лиль, может, за винцом сгоняю, а? Винцом мы быстро твоим обидчикам кости перемоем!

Кирилл младше нас с Кирой, он еще на последнем курсе института. Неказистый, слишком коренастый, в нем нет ни капли привлекательности моего Олега, но с живыми и всегда веселыми глазами. Я в некотором роде даже понимаю, что Кира в нем нашла. Невероятно легкий в общении человек, умеющий быть серьезным только в отношении к ней, а во всем остальном – шалопай, каких поискать. Про таких говорят разное: «им море по колено» и «оторви да выброси», и обе эти формулировки верны. Мне почему-то кажется, что Кирилл никогда любимую бревном не назовет, даже в порыве крайней злости. А может, это потому, что она в постели не бревно?

– Ты не сердись, что вас стесняю, – вновь повторила я, поскольку вид у подруги становился все мрачнее. – Олежа позвонит, и все наладится.

– А я сержусь совсем не на это, – подруга смотрела на меня голубыми глазами. – Просто некоторые детали уловить не могу. Мать, ты сама-то осознаешь, что твой Олежа, – она скривилась на имени, – выгнал тебя из вашей общей квартиры, за которую вы оба платите аренду? Тебя саму-то ничего не смущает?

Я поняла и понуро согласилась:

– На Олега злишься. Но ты же знаешь, у него темперамент такой...

– Не на Олега, – удивила она. – Олег Олегом, я даже не сомневаюсь, что завтра он позвонит и позовет обратно. Может даже, извиниться не забудет. Если бы на это делали ставки, то я бы все до копейки отправила на стопудовый выигрыш. Ты телефончик-то из сумки достань – не удивлюсь, что уже звонил.

– Ну вот! – я обрадовалась, что и Кира не видит большой беды в нашей ссоре.

– Позвонит, позвонит, – повторила она без улыбки. – Ты же находка для любого паразита. Обстираешь, почистишь, накормишь и слова поперек не вякнешь. Тебя можно как собаку выкидывать из общей квартиры, а потом назад звать, когда снова котлет захочется. Мамаша-то у него та еще стерва, не к ней же за котлетами бежать.

– Ты о чем говоришь? – у меня вновь накатили слезы, но пока удавалось их сдержать. – По-твоему, мне надо было с ним драться за право в квартире остаться? Посчитать, кто больше из нас за аренду внес? Какая мелочность!

– Кирюх! – снова завопила она. – А давай-ка и правда винца, – Кира сбавила тон и продолжила уже для меня: – Ты, Лиль, родителям своим спасибо скажи – какую дочь замечательную вырастили, любо-дорого взглянуть: воспитанная, образованная, превосходная хозяйка, скромная, характер мягкий, покладистый, нелегкомысленный, про таких женщин раньше легенды слагали, сплошная добродетель. Тьфу, смотреть противно.

Я поняла ее намек, поскольку она далеко не в первый раз этот разговор заводила:

– Не всем быть боевыми амазонками, Кира.

– Не всем. Но зубы даже у святых росли.

За вином разговор протекал примерно в том же русле, но дальше не углублялся. А при Кирилле я стеснялась говорить совсем откровенно. Да, я немного мягкотелая, но разве это порок? Когда мир стал таковым, что покладистый характер начал считаться грехом? Или он всегда таким был?

Погружаясь в сон под сопение Киры и вздохи Кирилла, который постелил себе на полу, я отчего-то постоянно прокручивала слова «Замужних женщин в аэропорту встречает муж». Слишком безапелляционно, разные ситуации бывают. Но на усталость и легкий хмель они накладывались с каким-то неведомым мне подтекстом. Но ведь на самом деле выходит так: завтра Олег позвонит, и я прибегу к нему, чтобы жить дальше с любимым мужем. Мужем ли? Дело совсем не штампах и кольцах, а во всем остальном. На фоне крутящейся

фразы дошло, что пыталась растолковать Кира: Олег меня не ценит. Не ценит всё, что я для него делаю. В самом начале наших отношений он был очень мил: красиво ухаживал и дарил цветы. Но в какой-то момент начал принимать меня как данность, как женщину любящую и никуда уже по этой причине не способную пропасть. Значит, мне надо пропасть! Нет, не для того, чтобы разорвать наши отношения, а чтобы их наладить.

За командировку мне положена премия, направлю эти деньги на аренду другой квартиры или комнаты. Не приму его извинения сразу. Олег обязательно увидит, что без меня ему плохо, и тогда не сможет воспринимать меня как посудомоечную машину или предмет мебели. Чтобы создать настоящую семью, я обязана немного измениться, отрастить зубы.

Олег звонил, когда я ехала на работу. Отключила звук, чтобы самой не поддаться мечущимся сомнениям. В конце концов, ничего страшного, если я совсем немного его помариную.

Глава 3

Получила нагоняй от начальницы за незаконченный отчет, вчера он совсем вылетел из головы. И ведь возразить нечего: она справедливо заметила, что сотруднице с годовым трудовым стажем предоставили шанс, а мне хватило ума им не воспользоваться в полной мере. Разошлась она не на шутку, но наконец-то оставила меня в покое, правда, обещанной премии лишила. Да и задержаться на работе пришлось до девяти, чтобы закончить и свою работу, и работу отсутствующих командировочных.

К Кире плелась медленно, стараясь радоваться, что не уволили. Но потом одолела болезненная злость: а почему, собственно, меня должны были увольнять, если единственная претензия к моей работе за год – задержка отчета на несколько часов? И не я ли постоянно работала сверхурочно? Да в той же самой Варшаве на самую молодую свалили все бумаги и беготню! У них еще банкет с партнерами, видите ли! Будто я единственная не заслужила права присутствовать на банкете! Какая удача, что эта злость свалилась на меня уже вечером и не была озвучена в офисе. А то и правда бы нарвалась. Но мне ведь повезло: здесь меня ценят и перспективы видят – это отражается не в словах, а

в решениях. И без всяких премий зарплата достойная...

Друзья, конечно же, снова не прогоняли, но мне было очень неловко от необходимости их стеснять. Запоздало вспомнила о сувенирах, которые и презентовала сразу после ужина. И наткнулась в кармашке сумки на пластиковую карту. Вынула, будто бы сама удивляясь, откуда она у меня взялась.

– Клуб «Кинк»? – Кира нахмурилась, а затем рассмеялась. – Ты, мать, теперь у нас завсегдатай ночных клубов? Кто бы мог подумать!

Заинтересовался и Кирилл:

– О, я там однажды был!

– Seriously? – Я вмиг переключилась, мне стало интересно: – И что там?

– Да ничего, – парень пожал плечами. – Дороговато, особенно для студентов. А так, ничего впечатляющего, обычный клубешник, больше на бар смахивающий. Раскрутились этими своими дикими лозунгами: «Аморально», «Узнай свою изнанку», но на самом деле только пиар. Даже мы с друзьями однажды клюнули, какое же было разочарование, когда там увидели только лайт-стриптиз для дошкольников.

За эту рецензию Кира попыталась дать ему подзатыльник, но Кирилл со смехом увернулся и заявил, что с некоторых пор предпочитает стриптиз только в одном исполнении. Может, они это в шутку, а может, я сильно ограничивала их присутствием. И, вероятно, только потому перед сном приняла очередной вызов Олега:

– Заяц, ну ты чего? Обиделась, что ли? Я тут с ума схожу от беспокойства!

– Не обиделась, – зачем-то соврала я. – Но ты ведь сам предложил подумать. Я у Киры, не волнуйся.

Его голос стал заметно расслабленнее:

– Ты там сильно долго-то не думай, а то я и другие кандидатуры начну рассматривать!

Отсмеялся и отключил вызов, не дав ответить. По поводу кандидатур он сказал иронично, но и доля истины в его словах была: Олег – парень видный, он в одиночестве не останется.

На следующий день в офисе выяснилось, что в подписанном польском договоре неправильно сформулирован один пункт, который юристы пропустили. Никакой катастрофы, можно решить дополнительным соглашением, однако начальница впала в настоящее неистовство. Отыгралась, конечно, на мне, будто я у нее еще и юрист. А на ком ей отыгрываться, раз команда явится лишь в понедельник?

Эта последняя нервотрепка меня и добила – довершила целую череду свалившихся неприятностей. Я вновь медленно плелась к Кире, чтобы испортить ей с Кириллом еще и пятничный вечер, пыталась себя успокоить и найти плюсы в своем положении, но вдруг остановилась перед торговым павильоном. Вошла и купила банку пива. Подобный поступок противоречил всему моему характеру, всем настройкам и воспитанию. Но в какую-то секунду я поняла, что сойду с ума, если не определюсь с Олегом. Жизнь незаметно развалилась, и надо заново ее собирать, а начинать всегда надо с самого главного – с любимого человека. Заняла ближайшую скамью в парке и открыла банку. Мне, предпочитающей только легкое и хорошее вино, пиво казалось горьким и тяжелым. Но я осушила почти залпом. Обрадовалась нахлынувшему хмелю – он мне и поможет. В этом состоянии явлюсь к Олегу и помирюсь с ним, если увижу радость в глазах. Или в этом состоянии смогу высказать ему все, что меня тревожит, если увижу очередную пренебрежительную ухмылку. Склеить надо, жизнь склеить... или окончательно разбить. Всё лучше, чем висеть в воздухе.

На такси денег не пожалела. С непривычки меня так сильно накрыло, что я и песни водителю готова была петь. Но пока ехали, немного собралась. Полезла за наличностью и снова ткнулась пальцем в пластиковую карту.

– А знаете, поворачивайте, – обратилась к таксисту. – Поедем в другое место.

Он глянул на меня через зеркало заднего вида и скривился – очевидно, терпеть не мог пьяных. И не объяснишь же постороннему человеку, что пьяной я за всю жизнь полтора раза бывала.

– Да мне пофиг, дамочка. Адрес.

Я вышла в прохладу летней ночи и зажмурилась. Голова уже заметно прояснилась, раз я начала соображать. Вывеска клуба «Кинк» не слишком яркая, видела и поярче. На входе толпы нет, но время от времени заходят люди – в основном парами. Широкоплечий громила с лицом неандертальца пристально вглядывается в лицо каждого, затем кивает, пропуская внутрь. Здание большое, в несколько этажей. Никаких огней и фейерверков – слишком просто, насколько я могла судить.

Зачем я сюда явилась? Разумеется, чтобы купить себе дорогой коктейль. Денег у меня не так уж и много, я сильно рассчитывала на премию. Значит, самое время транжирить! Еще для того, чтобы встретить Владимира – чем бог пьяниц и дебоширов не шутит? Скажу ему, чтобы компенсировал стоимость испорченной футболки! Или попрошу, чтобы поделился со мной избытком собственной самоуверенности. Не удивлюсь, если он меня даже не вспомнит. Тогда опрокину свой дорогой коктейль на его деловой костюм и посчитаю, что хоть в одной истории поставила достойную точку.

На VIP-карту громила взглянул мельком, больше внимания он уделил мне: медленно прошелся взглядом снизу вверх, явно отмечая деловую юбку и строгую белую офисную блузку, застегнутую до самого горла. Я вообще ни разу в ночных клубах не бывала, но предполагаю, что посетители обычно одеваются иначе. Неприятно ухмыльнулся:

– Карта-то случайно не Панкова? Нашла или украла?

– Да как вы смеете?! – я вскрикнула несвойственно для себя нервно. В жизни меня еще ни разу не называли воровкой. И добавила тише и неувереннее, предполагая, как глупо прозвучит объяснение с одним только именем: – Мне ее Владимир подарил.

Однако тон громилы изменился:

– А, простите. Добро пожаловать. Впервые? Тогда идите направо – там покажете карту, и вас проводят в помещение для VIP-клиентов.

Холл разделялся надвое. Слева открывалась широченная арка перед затемненным и шумным пространством. Кирилл сказал, что это самое обычное заведение, но он вряд ли пошел направо. Не пошла и я – струсила в последний момент. Да и что мне делать среди особых клиентов? Запал иссяк вместе с остатками хмеля. Но уходить сразу было жаль, следовало хотя бы осмотреться, раз уж я впервые в таком месте. Шагнула в арку.

Ощущала себя голой, поскольку явилась одна. Но через несколько минут поняла, что до меня здесь никому нет дела. Впереди раскинулась чуть ли не километровая барная стойка, за которой пританцовывали барменши в кожаных лифах. Несколько рядов круглых столиков, шустрые официантки, а дальше, в глубине, танцующая и бурлящая толпа, пронзаемая сверху разноцветными лучами. Там, скорее всего, музыка еще громче, а она и здесь почти оглушает.

Заняла один из свободных столиков, отдышалась. Все-таки без спутника быть неприятно. Нервозность мешала и кричала, что сейчас ко мне обязательно подлетит официант и спросит, что буду заказывать. У него непременно прочтается презрение в глазах – нельзя же сидеть и вообще ничего не заказывать. Первым порывом было разрешить разуму снова рулить и бежать отсюда сломя голову. Нашлась тоже, тусовщица! И я не сделала этого только по той причине, что громила на входе отметит, что я сразу вышла. Подумает еще, что я такая, вся офисная, сюда по ошибке заглянула и сбежала, и потом с приятелями меня будет обсмеивать. Надо хоть пятнадцать минут продержаться, чтобы никто плохого не подумал.

Но пить уже не хотелось. Я встала и подошла к стойке, долго ждала, пока на меня обратят внимание, потом спросила вежливо:

– А кофе здесь готовят?

Девушка, очаровательная рыжая полуголая красавица, подмигнула и ответила слишком громко – наверное, она привыкла перекрикивать любой музыкальный трек:

– Лучший в городе! У нас не бариста, а чертов гений! Какой тебе, милая?

Не знаю, почему она обратилась ко мне именно так, но слова свои подтвердила хлопком меню по стойке. Это у них для кофе отдельное меню? Я открыла и не

глядя ткнула в первое же название.

Она кивнула и что-то крикнула вдоль полки. Кофе принесли довольно быстро. Я собиралась взять и уйти за свободный столик, но рыжая вновь обратилась ко мне:

– Слушай, милая, а давай я тебе туда коньячку плесну?

– Зачем? Не надо! – успела возразить я.

– Как знаешь, – она отмахнулась. – Просто видок у тебя такой, будто капля коньячка не помешает! – И полетела дальше вдоль стойки на зычный зов другого клиента.

Про видок прозвучало не обидно, а как-то тепло, что ли. У меня скорее всего и правда выражение лица не самого счастливого человека. Но этой фразой она будто припечатала меня к стойке – здесь уже вроде как не в одиночестве торчу, не бельмом на глазу. Сижу, пью кофе, болтаю с барменшей – такое самой мне воспринимается легче. А потом еще одну чашку закажу!

Сзади раздался голос – тихий для этого шума, но барменша его расслышала:

– Марго, крикни там Гену, чтобы Лёшку сменил.

– Сейчас, Тём Саныч.

Упомянутый «Тём Саныч» занял соседний стул, потому я невольно скосила на него глаза. Белая рубашка с закатанными рукавами придавала его облику какой-то рабочей расслабленности. Немного похож типажом на Олега, тот тоже высокий и светловолосый, но уже через пару секунд я рассмотрела больше различий, чем сходств. Прямой нос, профиль можно было бы назвать правильным, если бы не слишком выпирающий подбородок. Пальцы, монотонно постукивающие по стойке, длинные и тонкие, как у пианиста. Абсолютно трезвый, что сильно противоречило царящей вокруг атмосфере.

Вероятно, он почувствовал мой взгляд, поскольку тоже равнодушно глянул в мою сторону. Но почти сразу привстал.

– А вы почему здесь сидите?

– Нельзя? – испугалась я и на всякий случай проверила, не расстегнулась ли верхняя пуговица на блузке.

– Вам можно всё. Всем можно всё, пока они не мешают другим. Но почему вы сидите здесь?

Я напряглась, но потом поняла, что он заметил карту, которую я положила рядом с чашкой. Он сам прижал ее пальцем к столешнице и задал новый вопрос:

– Карта случайно не Панкова?

Как они все по карте к одной и той же мысли приходят? На ней же никакой фамилии не указано!

– Я не украла! – поспешила оправдаться.

Мужчина улыбнулся, обнажив зубы. У него оказались слишком выпирающие клыки, они придавали улыбке диссонанса, портили черты, отвлекали от слегка зауженных зеленых глаз.

– Ага, попробовал бы кто-нибудь у него что-то украсть, – ответил на мое заявление. – Я бы посмотрел.

Не поняла, что означало это явно ироничное утверждение, но мужчина уже не обращал на меня внимания. Встал вполоборота, уперся локтем в стойку и приложил непонятно откуда взявшийся телефон к уху.

– Володя, – говорил все так же спокойно. Он, наверное, флегматик, для которого крик – ненормальное состояние, даже когда половина звуков заглушается музыкой. – Внизу твоя знакомая, – он подался ко мне и спросил: – Как зовут?

– Лиля, – проямлила я.

– А я Артем. Приятно познакомиться. – Снова клыкастая улыбка. – Представилась Лилей. И, судя по блузке, врать не умеет. – Короткая пауза. – Ты у меня

спрашиваешь? Она мне на тот же вопрос дважды не ответила. Стесняется, наверное.

Легко угадывая реплики его собеседника, и я начала краснеть. Но ведь и правда, стесняюсь. Зачем же это так открыто при мне же обсуждать? Артем продолжал:

– Сам спустишься, или мне ее силой туда тащить? Да не матерись ты! Перезвони, когда научишься сбавлять тон.

Телефон исчез из его руки так же незаметно, как в ней появился. Я сказала, вероятно, самую глупую фразу в своей жизни:

– Не надо меня никуда силой тащить!

– И не собирался. – Артем опять уселся на стул. – Насильно бы я еще в вип-зону не таскал. Сейчас сам прилетит ваш мачо, я слишком хорошо его знаю.

Он явно неправильно понял суть нашего с Владимиром знакомства, от чего совсем не по себе стало. Я вспомнила о тихом голосе разума:

– Ой, мне пора, поздно уже!

Ответил бесконечно устало:

– Мне тоже пора. Но задержитесь секунд на пятнадцать.

– Зачем?

– Почему все люди такие нетерпеливые? Как будто нетерпение хоть одну проблему решило. Девять, десять, одиннадцать...

– Что? – я не поняла счета.

И примерно через четыре секунды высокий стул с другой стороны заняли.

– Ты все-таки пришла! Не ожидал, честно, – раздался уже знакомый голос.

Володя широко улыбался, а одет был совсем иначе, чем в аэропорту. Темно-серая футболка с широким воротом шла ему невероятно. Надо же, а я посчитала его слишком презентабельным при первой встрече. Вот у такой внешности нет ни единого диссонанса, даже щетина к месту, что противоречит всем установкам на элегантность. Он не просто презентабелен, он сложен как греческий бог. И футболка эта явно предназначена только для того, чтобы все достоинства подчеркнуть. Улыбнулась в ответ невольно – и больше для того, чтобы скрыть свою заторможенность. Но Володя уже обращался к знакомому:

– Артем, ты просто маньяк. Постесняться девушке не дал. Или купидон?

– Пойду я работать. Маньячить и купидонить, раз я здесь главный, – отреагировал блондин и, не прощаясь, покинул нашу тесную компанию.

– Тяжела жизнь короля разврата, – пояснил Володя ему вслед, но специально для меня. – Ты его вежливостью не обманывайся. В тихом омуте водятся такие черти, что свихнуться можно.

Я пропустила момент, когда мой уход еще не выглядел бы нелепым бегством. А очнувшись, когда Володя уже тащил меня за руку к столику – но и в этом осознании я обрадовалась, что общий зал мы не покидаем и ни в какую вип-зону пока не намыливаемся. Он плюхнулся рядом на короткий кожаный диванчик, а не сел напротив, в чем был смысл: в таком шуме разговаривать можно, только находясь рядом. Марго уже через пару секунд шмякнула по столику подносом с маленькими наполненными рюмками.

– Некрепкие шоты, – пояснил Володя, словно я спрашивала. – Не бойся, Лиль, никто никого насильно поить не собирается.

– Я и не боюсь, – ответила, хотя пить не хотелось – ни слабого, ни крепкого, а уж тем более – незнакомого. Может, с моим встроенным воспитанием действительно что-то не так, раз я эту мысль не озвучила?

– Рад, что ты все-таки пришла! – Володя передал мне одну из рюмок, сам подхватил другую, стукнул по моей, не дожидаясь реакции, и залпом влил в себя. Затем скосил взгляд на блузку и добавил: – И, видимо, здесь ты оказаться

сегодня не планировала.

Обсуждать свою одежду я посчитала бестактностью, потому сосредоточилась на первой части фразы, заставляя себя обращаться на ты к малознакомому человеку – выкать после его фамильярности было бы совсем неуместно:

– Почему рад? Сомневаюсь, что ты горел желанием меня снова увидеть.

– Не за себя рад, Лиль, – он обескураживающе улыбнулся. – За тебя. У меня на людей чутье – и ты стопудово хороший человек.

– Спасибо за комплимент. – Я выдавила улыбку, а рюмку так и держала в руке.

– Это не комплимент, – ответил он неожиданно серьезно. – Нет беды в том, чтобы быть хорошим человеком, но беда – если человек слишком хороший.

– В смысле?

– В смысле, нельзя быть удобным для всех. Хотя упомянутые все именно этого от тебя и хотят.

Он выпил уже вторую, махнул Марго, чтобы еще что-то принесла, я не обратила внимания. Это он зачем сказал? Это я-то для всех удобная? Формулировка оказалась настолько острой, что я бездумно отпила немного и поставила рюмку на столешницу. Развернулась к нему всем телом, чтобы смотреть в глаза, и произнесла неуверенно:

– Ты совсем меня не знаешь, чтобы делать такие выводы.

– Буду только рад ошибаться. – Он снова непринужденно улыбался. – Всё, закрыли скользкую тему. Так почему ты пришла? Или не так – почему ты пришла именно сегодня?

Этот холеный красавчик мне никто, второй раз в жизни видимся и вряд ли станем по-приятельски перезваниваться, поздравляя друг друга с днями рождений. Он мне никто, и именно по этой причине мне незачем врать:

– С мужем поссорилась. На работе накричали, – показалось, что вслух озвученные причины какие-то мелкие, потому перешла на более пространное объяснение: – Черная полоса в жизни началась. Я выпила немного, и вот на хмелю попала твоя карточка. Решила, что хуже не будет, если немного встряхнусь.

– Тогда почему сразу наверх не прошла? Тебе бы подсказали, где я. Ну, раз уж встряхнуться захотелось – я бы встряхнул.

Показалось, что он вложил двусмысленный подтекст, даже щеки жаром обдало.

– Да я не в этом смысле, Володя! Просто посетить клуб, посмотреть изнутри! Для меня и это экстрим. А тебя я вообще здесь встретить не намеревалась! Да и какова вероятность встретить единственного знакомого в ночном клубе?

– Понял, – он ответил, легко принимая все мои объяснения. – Но, во-первых, это не ночной клуб.

– Как это? – Я перевела удивленный взгляд на танцующую в другом конце огромного помещения толпу.

Володя проследил за моим взглядом и пояснил:

– Только в некотором смысле клуб. Первый этаж дает почти половину выручки и здорово прикрывает глаза заинтересовавшимся инстанциям. А, во-вторых, вероятность встретить меня здесь очень высока. Я, можно сказать, внештатный сотрудник.

– Больше всех пьешь? – догадалась я.

Он с усмешкой потянулся за третьим шотом.

– Почти. А чаще отвечаю за то, чтобы эту полулегальную лавочку не прикрыли. К счастью, мы живем в свободной стране – ничего не прикроют, если есть достаточные связи. У нас с Артемом взаимовыгодное многолетнее сотрудничество.

Я ничего не поняла, но немного испугалась. Слово «полулегальный» явственно намекало на то, что мне здесь не место, как и любому приличному человеку. Но поддалась любопытству и решила задать еще вопрос:

– Объясни, если это не секрет.

– Не секрет от тебя, – Володя откинулся на спинку и положил руку вдоль подлокотника. Я поежилась – хоть он меня и не касался, но со стороны это могло напоминать интимные полуобъятия. Продолжил, лениво осматривая зал: – Но такие вещи легче показать, чем объяснить. Пойдем наверх?

– Нет уж. Лучше словами, – я испугалась еще сильнее.

Он надо мной посмеивался и этого не скрывал:

– Выше располагаются тематические отделы – каждому по вкусу. Дорого, сердито, пошло и разнообразно. Я и сам не знал, сколько у нас извращенцев водится, когда Артем еще загорелся этой идеей – дать каждому то, что он ищет. Но сейчас вынужден признать, что он был прав: клиентов не просто хватает, они готовы за это платить больше, чем за поездки с семьями на отдых.

– Извращенцы? – Моих познаний не хватало, чтобы сразу охватить картину целиком, но выпученные глаза о реакции свидетельствовали. – Какие еще извращенцы? Зачем?!

– Фрейда не читала? Вот и я не читал, в отличие от Артема. Подавляемые желания не исчезают, они обязательно найдут выход – и далеко не всегда приемлемый для остальных. Но если найти этим желаниям применение, которое никому не вредит, то выигрывают все. А особенно владелец такого заведения. Ого, какие у тебя глаза огромные. Я впечатлен. Закроем и эту тему, Лиль. Что там с твоим мужем? Сильно поссорились?

Я вмиг забыла о чужих извращениях, вспомнив о своих. Вздохнула и потянулась за рюмкой.

– Да нет, не сильно. Легкое недопонимание.

– Веди его сюда! – решительно предложил Володя. – Я серьезно. Ты не представляешь, сколько браков сохранилось, благодаря элементарному признанию себя.

– Что ты, – я даже улыбнулась смущенно. – Олег у меня никакой не извращенец, нет у него каких-то особенных желаний. Как и у меня.

– Ага. Если бы мне на каждой такой фразе платили по рублю, то я бы стал... херакс, а я ведь и так стал! В общем, мое дело предложить, а думайте сами. Сколько лет женаты-то? Ты выглядишь совсем девочкой.

Еще раз тяжело вздохнув и сделав небольшой глоток, я ответила:

– Официально не женаты. Два года живем вместе.

И не добавила, что уже «не живем». Олег в порыве ярости меня выгнал, а я и ушла. И хоть назад зовет, а тяжесть с души не снимается. И даже приготовилась к привычному осуждению – такому же, какое было в глазах мамы, когда я ей сообщила, что мы с Олежей съезжаемся. Но, видимо, не на того нарвалась:

– Два года – слишком малый срок, чтобы узнать человека, Лиль. Люди иногда за всю жизнь себя-то узнать не успевают, а тут другая личность. Смотри сама, конечно. Но если ты с ним счастлива, тогда ищи возможности, а не оправдания. Ты с ним счастлива?

Вопрос прозвучал слишком прямо. Простой на самом деле вопрос, элементарный. Вот только мне его никто раньше не задавал, не задавала и я. Спрашивала себя иначе – люблю ли я Олега? Да, бесспорно. Но разве я с ним счастлива? Разве прожила хоть один день в сплошной радости после того, как мы сняли одну на двоих квартиру? Нет, я выполняла свои обязанности и привыкала к проявлениям его характера. Получала удовольствие от того, что рядом со мной родной человек, а сама я не бедняжка-одиночка. Но разве именно это называется «счастьем»?

– Не знаю, – ответила честно. – Не знаю, Володя. Но сейчас как раз выдался тайм-аут, чтобы это понять.

Почувствовала его взгляд на профиль, потому скосила глаза. Немного смущало, как мужчина меня разглядывал – остро, пристально, хотя невесомая улыбка с губ не исчезала.

– Лиль, а ты в курсе, что красавица? – задал он совсем немыслимый вопрос. Я усмехнулась – нет, я себя уродиной не считаю, все на месте, но до ярких красоток с обложек журналов мне далеко. Володя моей реплики не дождался: – Самая настоящая красавица. Другая прическа, одежда, немного косметики, снять эту тотальную зажатость – и можно на кастинг в кино валить.

– Шутишь, – отреагировала я не вопросом, но внутри все-таки стало приятно. Не так уж часто мне подобные вещи говорят, а женское нутро к ним чутко.

Он не стал оспаривать или переубеждать, лишь отмахнулся.

– Скучно. Лиль, давай на выбор – будем целоваться или пойдем наверх?

Вот! Не зря я посчитала его руку за моей спиной двусмысленностью!

– Что?! – крикнула громко. – Не буду я целоваться!

– Я бы тоже так выбрал. – Володя осклабился. – Молодец, хоть какой-то негатив попер, а то совсем была рыба снулая. И правильно, никогда не целуйся с кем попало. Трахаться можно, если умеете пользоваться презервативами, но не целуйся.

– Чего? – я рассмеялась от несуразицы.

– Того! – с ироничным вызовом ответил Володя. Наверняка просто пытался меня вывести из себя, потому и заливал эту чушь. – Поцелуям почему-то придают меньше значения, чем ритмичным фрикциям для удовлетворения базовой потребности. И это, на мой вкус, в корне неправильно. Не раскидывайся поцелуями с кем попало. Идем?

– Куда?

– Ты же выбрала. Посмотрим, что там происходит этажом выше, дальше тебя в такой одежде все равно не пустят, хотя охрана и поляжет полным составом от хохота. Неужели не любопытно?

Вообще-то, немного есть.

– Если только посмотреть...

– Вполглазика. – Володя подмигнул, встал и протянул мне руку, чтобы помочь тоже подняться. – Олегу потом своему расскажешь об увиденном, чтобы он тебя из спальни до конца выходных не отпускал.

Олегу, да даже Кире, я ничего подобного рассказывать не стану! И зачем мне самой туда идти? Любопытство кошку сгубило...

– Ой, Володя, я, наверное, не...

– Ой, Лиль, я, наверное, да, – перебил он и мягко подтолкнул к лестнице.

Глава 4

Охранник даже не моргнул, когда мы проходили мимо, – соляной столп.

Коридор второго этажа был широк и изящен, как гостиничный холл. В полукруглой арке справа я разглядела столики под приглушенным уютным светом и очень удивилась типичной ресторанной атмосфере. Озвучила назревший вопрос:

– Обычный ресторан или кафе? Зачем столько таинственности?

– Не обычный. – Володя остановился рядом со мной. – Скорее, клуб знакомств и легких приключений. Не все люди хотят афишировать свои постельные похождения, так почему бы им не предоставить для этого самое комфортное место?

Он ничего не объяснил, но я сама поняла и смутилась осознанию, когда разглядела. За столиками сидели люди парами, коих не так уж много, но все без исключения – мужчины. Геи? Мне до сих пор не доводилось встречаться с представителями нетрадиционной ориентации, но ничего вопиющего я не усмотрела. И это сразу успокоило, я даже усмехнулась:

– Не знала, что только в «Кинке» гомосексуалы могут спокойно пообщаться и познакомиться. Была уверена, что подобных клубов в городе предостаточно. А распевал так, что я себе какие-то ужасы вообразила!

– Ужасы? – Он глянул на меня с иронией. – Если я чем-то и хотел тебя заинтересовать, то точно не ужасами. Да, мест предостаточно, но только здесь у всех есть гарантия, что не ворвется фанатик-папарацци с новой идеей для светских сплетен. Кто-то из этих мужчин занимает солидные посты, у многих есть семьи...

– Семьи? – удивилась я.

– Разумеется. Я ведь уже говорил, что иногда целой жизни не хватает для узнавания себя. И слишком часто бывает такое, что себя узнаешь намного позже, чем примешь какие-то решения. Это не клуб для геев, ты неверно поняла. «Кинк» помогает людям определиться, узнать, попробовать. А кто-то из них бисексуал – таким изредка требуются короткие страстные увлечения для отрыва от реальности, не больше.

– Звучит даже мило, – выдавила я, поскольку действительно не увидела никакого кошмара в том, что людям просто предоставили спокойное место для тайных свиданий.

Но Владимира явно смешила моя реакция:

– Особенно мило, что там дальше, – он указал на дверь в конце ресторанного зала, – номера. Для тех, кто не хочет откладывать страстные увлечения на потом. Здесь они выпивают, приглядываются, а затем почти со стопроцентной вероятностью летят трахаться.

– Что?! – я воскликнула неуместно громко. – Так это публичный дом?

– Ну, здесь есть публика и это определенно дом. Потому можешь и так называть. – Он тихо посмеивался. – Ты из какого века к нам явилась, мадемуазель? Еще бы борделем назвала. Ладно, идем дальше – нехорошо пялиться, здесь женщинам не место. В лесбийском зале к тебе отнесутся более благосклонно.

Я поспешила за ним дальше, но успела сообщить:

– Я не хочу в лесбийский зал!

Он обернулся с улыбкой:

– Не буду врать, что меня это не радует. Идем, Лиль, теперь усложняем задачу восприятия.

На закрытых дверях были таблички, но с мелкими надписями, и я стеснялась подойти и прочитать. Но все залы за этими дверьми были огромными, судя по расположению входов. Перед очередным Владимир остановился и лукаво глянул на меня.

– Готова?

– К чему?

Он перехватил меня за запястье, потянул на себя и открыл дверь, предоставляя мне право пройти первой.

Здесь было довольно много посетителей: некоторые стояли, а кто-то разместился на диванчиках, отделенных невысокими перегородками. Я смотрела по сторонам, поскольку долго не могла собраться с духом глянуть вперед и убедиться, что мне не показалось. Володя положил мне руки на плечи и приблизился – то ли для того, чтобы было проще болтать, то ли чтобы удержать меня на месте и не позволить сорваться в бег.

Впереди, за стеклянными стенами-экранами располагались три комнаты, левая свободна. В центральной стоял мужчина – немного полноватый, расплывшийся и обнаженный. Он, закрыв глаза от удовольствия, водил ладонью по стоявшему

члену. Упоенно дробил напоказ, испытывая возбуждение не только от онанизма, но и от того, что все вокруг его видят. Эксгибиционист? Я не могла на него смотреть, едва преодолевая отвращение, скосила глаза вправо и вздрогнула: там, точно так же напоказ, пара занималась сексом. Мужчина накрыл любовницу собой и яростно входил в нее, а она металась по простыни и громко стонала, обвивая партнера ногами. Я отметила, что оба в мягких масках на лицах, скрывающих черты. Странно, если учесть, что тела они показывать не стесняются...

– Интерактивное порно, – пояснил Володя почти в самое ухо. – Никакой видеоролик так не заводит, согласись.

– Я не смотрю порно! – ответила нервно и попыталась развернуться, но он удержал за плечи. – Какая пошлость! Здесь нанимают порно-актеров?

– Зачем нанимать? – Володя будто удивился. – Это же лучше визита к сексологу. Любой секс можно реанимировать, если добавить ему остроты – например, такой. Ты реально думаешь, что она изображает эти стоны?

– Понятия не имею, – буркнула я и снова попыталась вывернуться.

– Лиль, да перестань. – Володя все так же расслабленно улыбался. – Запреты живут только в головах.

А у меня нервы дребезжали от перенапряжения, потому я зашипела, даже не боясь привлечь к себе внимание возбужденных зрителей:

– Я ухожу! И не смей за мной идти!

– Лиль... – он поморщился и вышел следом в коридор.

Но я повторила громко:

– Не смей за мной идти!

Он снова позвал, но я не сбавила хода. А что? Хотела встряски? Встряхнулась как следует, не поспоришь. Увидела перед лестницей значок туалета и бездумно

свернула туда – мучительно захотелось умыться и с мылом оттереть руки, словно сама испачкалась увиденным. Внутри, к счастью, никого не было, а коричневый мрамор и зеркала создавали ощущение элитности, заставляли отвлекаться мысленно от того, что могло происходить прямо за стенкой.

Холодная вода привела в чувство, а потом, глядя на свое отражение в зеркале, я даже рассмеялась над болезненным блеском глаз. Что на меня нашло? Какая-то ненормальная истеричность. Ну занимаются люди сексом на глазах у других, ну смотрит на это кто-то – мое какое дело? Ведь меня даже заранее об извращенцах предупредили, никакого обмана. Они же никого не заставляют этим заниматься, а клиенты, как я понимаю, за это даже готовы платить сами. Единственный вывод: нормальным людям здесь не место. Мне – не место. Олегу моему – не место. А порно меня не интересует ни на мониторе компьютера, ни тем более в интерактиве. И то, что у некоторых нет самоуважения, – точно не моя проблема. Стонали-то они вполне правдоподобно. Какая жуть...

Успокоилась. Ничего страшного не произошло, теперь спокойно уйду, а карту оставлю прямо тут, на мраморной полке – кто-нибудь обнаружит и передаст Владимиру. А сам он будет вспоминать обо мне только со смехом: как за пять минут довести приличного человека до нервного срыва. Выходить из туалета не хотелось, здесь будто было убежище, но окончательно взяв себя в руки, я решила, что пора. Как раз на выходе столкнулась с девушкой – той самой рыжеволосой барменшей. Она легко улыбнулась, сразу меня узнав:

– Все в порядке, милая? – вероятно, она ко всем так обращается.

– Да, конечно, – мне не хотелось ни с кем обсуждать свое состояние.

– Просто это туалет для персонала. – Девушка открыла кран и наклонилась к отражению проверить макияж.

– Да? Простите, не знала, – я растерялась, и оттого подвел голос. Вполне вероятно, что на табличке это указано, но я просто влетела сюда, не задумываясь.

Но она не расслышала из-за шума воды или невнятной тихости ответа и продолжила другим тоном:

– А, поняла! Тебя на место Ленчика принимают? Ее Тём Саныч давно на третий этаж хочет перевести, но нужен бармен за стойку. А я еще удивилась – чего это с тобой и Панков, и шеф обжимаются. Теперь ясно! Я Рита, но здесь все зовут Марго. Можешь обращаться по любому поводу, новичкам всегда сложно.

– Лиля, – представилась и выдавила улыбку. – И я просто заблудилась!

– Все мы вначале просто заблудились. – Она подмигнула. – Шефа только что на первом видела, если его ищешь.

Она направилась в кабинку, а я поспешила скрыться, посчитав разговор законченным.

И, к несчастью, сразу в холле первого этажа столкнулась с Артемом. Прошмыгнуть мимо не удалось, он остановил меня тем, что сам на ходу круто развернулся и деловито обратился:

– А, вот вы где. Володя звонил минут пять назад – сказал, что если увижу вас, то передать от него извинения. Увидел и говорю. Понятия не имею, за что именно он извиняется, но от себя добавлю: Володя – незрелый, холеричный, эгоистичный тип. Именно в этом смысле очаровательный с точки зрения дам, но извиняться ему следует намного чаще, чем он привык делать. Но это показатель, Лиля, вы ему всерьез нравитесь, раз он сподобился.

– Да я не сержусь, – смущенно уставилась в пол и продолжила мелкими шажками передвигаться к выходу.

– Ага, вижу, – он улыбался своей клыкастой и очень запоминающейся улыбкой. – Знали бы вы, сколько он мне нервов вытрепал, почувствовали бы собрата по несчастью. А я его принимаю таким, каков есть, хотя иногда стоило бы и в ответ что-то вытворить. О, кстати, об этом. Неплохая идея.

И он шагнул ко мне. Я не успела среагировать, так как ничего подобного не ожидала – склонился и прижался губами к моим. Нежно, но настойчиво провел языком по нижней, скользнул чуть внутрь. От шока я даже не сразу отшатнулась. Зато потом завопила с хрустальным эхом от зеркал:

– Что вы делаете?!

– Во-первых, перехожу на ты. А во-вторых, мщу, – ответил Артем с той же улыбкой. – Пусть гад узнает и хоть немного пострадает. Лиля, обязательно Расскажи ему об этом, Володя очень ревнив. Кстати, смени духи – тебе нужен более терпкий запах.

Последняя капля упала на меня непозволительно тяжело, но не придавила к полу, а подняла в воздух. Да это не заведение, а вообще черт знает что! С чего бы Володе ревновать? С чего бы мне бежать к Володе с докладами? Не раскидываться поцелуями с кем попало, как же! Особенно когда кто попало даже не думал спрашивать разрешения! К выходу я уже неслась, совершенно не заботясь о том, как выгляжу со стороны, как косятся охранники и как посмеиваются посетители. Плевать на них всех! Плевать на это адово место!

Если кому-то придет в голову воссоздать всю хронологию событий, то ответственно заявляю – первым меня поцеловал Артем. Пиздец, как выразился бы Владимир. Пора обогатить свой словарный запас и такими словами, без них никак не сформулируешь.

Глава 5

Кира открыла не сразу, заспанная и в пижаме. Лишь в этот момент я вспомнила о времени. Где моя тактичность? Мало того, что стесняю людей, так еще и позволяю себе являться посреди ночи! Она скривилась – это был первый признак ее недовольства, но я не успела извиниться, поскольку подруга озвучила другую причину:

– Ты пила? Совсем с катушек слетела, мать?

– Прости, Кира, я завтра же с утра определяюсь с переездом!

– Да я не о том, – она устало потерла глаза. – Заходи уже. И давай побыстрее в душ и спать, сейчас я Кирюху обратно на пол отправлю. Но пока идешь – слушай. Не грех выпить в приятной компании. Но насколько я знаю, единственная твоя

приятная компания в полном составе дрыхнет уже несколько часов. А вот пить, чтобы проблемы решать, – задница. Никогда от тебя такого не ожидала.

Я смущенно улыбалась и спорить не спешила. Не зря она моя подруга – в определенные моменты вполне способна изобразить из себя строгую маму. А людям, особенно взрослым, особенно тем, кто от родителей давно отпочковался, иногда очень нужно почувствовать, что рядом есть строгая мама. Она недовольна, но за ее недовольством скрывается только забота. Потому я сначала шагнула к ванной, а потом развернулась и обняла ее.

Кира похлопала по спине, будто утешая:

– Совсем, мать, расклеилась. Ну ничего, ничего, наладится...

Засыпая под кряхтение Кирилла, я понимала, что больше не вправе их стеснять. И не потому, что гонят, как раз наоборот. Если уж я стану мешать кому-то жить, то точно не людям, которые этого не заслужили. Уж лучше Олегу нервы трепать... или... или... И обязательно все наладится!

Утром картина уже не выглядела такой радужной. Похмелье меня не мучило – не столь много я выпила. Но угрызения совести давили, их не унял даже завтрак, который я успела приготовить для гостеприимных хозяев. И потом, когда влюбленные собрались сходить в кино, только обрадовалась, что меня с собой не зовут – пришлось бы согласиться, а после мучиться угрызениями совести еще сильнее. Зато в их отсутствие и с ясной головой я собирала воедино последние факты.

«Кинк» – жуткое место, а Владимир – жуткий тип, с этим все предельно понятно, вопрос закрыт. Но некоторые оброненные им фразы все же нуждаются в осмыслении: а кто знает, может, жуткие типы иногда дают дельные советы? Он назвал меня слишком удобной для всех, и с этим приходится согласиться. Олег не звонил уже больше суток. А зачем ему напрягаться? Он свою позицию обозначил, теперь предоставляет мне возможность «перестать пороть горячку». И ведь именно так я бы раньше и поступила, как всегда поступала после скандалов, когда Олег был неправ: он обозначал, что готов свернуть конфликт, иногда смазанно извинялся, и я тут же шла навстречу. В этот раз так не будет! Ему придется побегать и доказать, что наши отношения ему тоже нужны. Да, все верно. Хоть и нутро переворачивается от несвойственных мне действий...

Значит, я пока не возвращаюсь, но и оставаться здесь не могу. К родителям не поеду – после их нотаций от моей и без того слабой выдержки ничего не останется. На аренду квартиры деньги найду, пока можно занять у Киры, а потом покрыть с зарплаты. А почему, кстати, меня премии лишили? Разве это справедливо? Нет, это было просто удобно – сэкономить на том, кто и слова поперек не вякнет. Следовательно, понедельник я начну с того, чтобы вякать. Уволят? Так я ответственный, аккуратный и образованный бухгалтер! Поди на улице не останусь... Последняя мысль доказательств не имела, а я еще ни разу в жизни не принимала решений без основательной страховки, но мандраж азарта одолевал и прибавлял энергии. Всего лишь маленький шажок с протоптанной колеи, но страшно и волнительно, как если бы я летела вниз, когда дух забивает горло и останавливает сердце.

Возможно, кто-то свыше заметил, что я близка к грани и подкинул мне удачу. Я даже по объявлениям звонила с дрожащими руками – это ли не показатель, что я совсем не способна на решительные действия? Но на пятом вызове kloкочущее волнение заметно утихло, а на шестом мне невероятно повезло. Комната в старой коммуналке сдавалась за мизерную сумму, а хозяйка предъявляла больше требований к жильцу, чем к оплате. И – все мои знакомые клятвенно подтвердят – я лучше всех в городе, если не во всем мире, соответствовала образу скромной, воспитанной и неконфликтной постоялицы. Хозяйка это даже в телефонном разговоре уловила, заметно смягчилась и пригласила вечером: мне комнату показать, а ей на меня посмотреть. И если сговоримся, то даже одалживать у Киры не придется. Хоть в каком-то вопросе моя смиренная кротость оказалась козырной картой, самой смешно.

В итоге за выходные я невероятным образом решила проблемы, которые до сих пор казались нерешаемыми.

– Въезжай! – заявила Василиса Игнатьевна, пятидесятилетняя женщина угрожающей наружности, через пять минут после знакомства. – Плата за месяц вперед. Места общего пользования убираем по очереди, график в коридоре, грязную посуду на кухне не оставлять, холодильником можно пользоваться общим. И никакого бардака и шума! – сразу после этой фразы она подкурила бычок из пепельницы и выпустила в сторону распахнутой форточки струю дыма.

Судя по всему, это был единственный недостаток жилья. Дом был древним, и обшарпанные стены нуждались в ремонте, но Василиса Игнатьевна была ярым поборником чистоты – в этом общежитии виделась рука грозного диктатора, что

меня полностью устраивало. За удручающим коридором, заставленным старыми шкафами, комната произвела довольно приятное впечатление: довольно большая и вполне годная для комфортного жилья. Василиса Игнатьевна, когда-то успевшая выкупить и приватизировать все хоромы, теперь занимала две объединенные комнаты, а остальные три сдавала. Справа от меня селилась старая бабушка, почти не покидающая оккупированные покои, а слева – студент. Я видела его сутулую фигурку мельком, когда парень прошмыгнул мимо с никому не относящимся «здрасьте». Похоже, Василиса Игнатьевна очень тщательно следила за чистоплотностью и порядочностью контингента, и это меня несказанно радовало. А в общей кухне и ванной я вообще никакой беды не видела, особенно когда соседи вежливы и спокойны.

Грандиозный прорыв прибавил мне еще сил. Я даже почти спокойно в воскресенье отправилась к Олегу, чтобы собрать оставшиеся вещи. И вначале от его улыбки чуть не расплылась от счастья. Лишь присмотревшись, разглядела в этой самой улыбке то, чего никогда раньше не замечала: победное самодовольство. Олег даже не усомнился, что побитая собака прискакала обратно, виляя хвостом.

– Я за вещами. – Похвалила себя за сухость в голосе и прошла внутрь.

Мне хватило гонора даже не разуться! Эх, жаль, что Владимиру я об этом эпизоде рассказать не смогу... Ну ничего, Кира похвалит. Олег молча наблюдал за моими действиями, сложив на груди руки. Но моя победа была и в том, что он не выдержал – первым нарушил тишину:

– Заяц, а ты не перебарщиваешь? Куда намылилась?

– Отдохнуть от тебя намылилась, – отозвалась я, спешно скидывая в пакеты вещи. – Ты ведь сам предложил расстаться и все обдумать.

– И что, не хватило времени? – он прибавил в тон язвительности.

На глаза навернулись невольные слезы – хорошо, что Олег не мог видеть моего лица. Вообще-то, я обдумала и была готова к нему вернуться, если бы услышала хоть пару теплых слов. Но почему я раньше не слышала в его тоне высокомерного холодка? Ведь он был, всегда был! Даже в каждом теплом слове, как сейчас:

– Заяц, ну ты чего? – Он шагнул ближе, но я дернулась от него и переместилась к комоду – старые футболки сейчас тоже не помешают. – Я, наверное, погорячился в прошлый раз, но ты должна понять – проблемы на работе, столько всего навалилось, а ты как будто специально провоцировала...

Наверное? И ведь он всегда так «извинялся» – признание своей вины за несравненно более грандиозной моей. И этот зудящий холодок – его желание помириться очевидно, но не уничтожает в его тоне тех самых почти незаметных нот, которые меняют всю суть. Возможно, Олег и сам был удивлен моей реакцией – точнее, полным отсутствием реакции, потому и говорил все более эмоционально:

– Лилька, ну ты чего? Из-за мелкой ссоры вот так все разобьешь? Мы ведь с тобой муж и жена!

Последним я взяла ноутбук – между прочим, мой, хотя и пользовался им больше Олег. Но это подарок – от него же! Еще с тех самых времен, когда холодка в его тоне не было. Олег было возразил, но почему-то осекся, заметив мой взгляд. И я, уверенно таща пакеты к выходу, зачем-то ответила последнее, что вообще хотела ему сказать:

– Замужних женщин в аэропорту встречает муж.

– Что?!

А я и сама не понимала «что». Нелепая фраза, глупая и эгоистичная, но на фоне переизбытка эмоций все равно ничего более умного в голову не пришло. Олег в спину кричал уже нервно:

– А, понял! Уже хахаля себе отыскала? Так бы сразу и сказала, а не изображала оскорбленную невинность! Быстро ты! Не думал, что ко всем твоим недостаткам ты еще и шлюха!

И громко захлопнул дверь. Он это не подумав ляпнул – никто, включая Олега, не может посчитать меня шлюхой, это вообще невозможно! В подъезде остановилась и отдышалась. Хотелось одновременно расплакаться и рассмеяться: о разрушенной жизни, об утраченной любви и о собственной

неадекватной смелости. Выбрала последнее – и хотя бы усмехнулась. Олег любит меня, а я люблю его, но нам обязательно прямо сейчас надо разбежаться, чтобы потом сойтись уже на других правилах. Я или дура, или молодец – время покажет.

И на выходе из подъезда меня окликнули. Я с кучей пакетов, неповоротливо повернулась и вздрогнула. От знакомой машины ко мне шагал не кто иной, как Владимир Панков...

– Нашел! – обрадовал он будто меня и, подойдя, заговорил вкрадчивее: – Лиль, неужели ты в клубе так взъелась, что лишила меня возможности напоследок поговорить?

– Я не... как? Что ты здесь делаешь?

– Мы ведь тебя подвозили. По прописке пробил, спасибо за бирку с фамилией на чемодане, но допер, что скорее поймаю тебя здесь, чем там. Уже решил, что просчитался.

Что такое «по прописке пробил»? И его я посчитала безобидным? Чем он вообще занимается в «Кинке» в свободное от распития шотов время?

– А... – я совсем растерялась, – а зачем ты меня искал?

– Потому что мы неправильно начали. – Володя широко улыбался. – Начать неправильно – херня, а вот кончить неправильно – уже беда. И вот я здесь.

– Здесь, чтобы кончить? – я просто повторила краткое содержание.

Но его моя формулировка рассмешила. Поняв, что моего задора надолго не хватит – я последний на Олега израсходовала – собрала его остатки и выпалила:

– Артем передал мне твои извинения! Но больше не хочу продолжать знакомство! Прошу принять во внимание и мои приоритеты!

– Ты выражаться по средневековым дамским романам обучалась? – он ехидничал. Но, скосив глаза на мою ношу, сбавил тон: – Давай хотя бы подвезу. В

качестве извинения.

– Ты уже разок извинился за пролитый кофе – и не могу сказать, что мне понравилось, – буркнула я.

– Если что-то не удалось в идеальном виде, значит, это надо повторять, пока не получится, – заявил этот непрошибаемый гусь и пиликнул брелоком от сигнализации. – Идем, идем, Лиль, эксплуатируй мою вину по максимуму – не так-то часто я ее испытываю.

Похоже, на этот раз он был без водителя. Подумала о том, что на такси неплохо сэкономить, и, самое парадоксальное, я снова не ощутила признаков страха – Владимир, несмотря на спорность полезности нашего знакомства, не включал во мне естественной защиты. Он слишком прямолинеен и открыт, чтобы за его словами читался скрытый смысл. А еще – и это было самым невероятным – мне польстили его хлопоты в мою честь. Кто я такая, какой выгляжу в его глазах, что ему не жаль использовать связи и тратить воскресные вечера на мои поиски? На фоне Олега, которому даже звонить мне надоело, этот поступок выглядел каким-то наглым и романтичным героизмом. Возможно, последнее и сыграло решающую роль, поскольку я передала ему пакеты и пошла следом, а уже в салоне сказала:

– Спасибо за помощь. Но это ни к чему меня не обязывает!

– А к чему это тебя должно обязывать? – он удивился, хотя и выглядел весело-расслабленным. – Лиль, в тебе столько барьеров, что я вообще поражаюсь, как ты дотянула до своих лет.

– Каких еще барьеров? – Я пялилась в лобовое стекло, чтобы не разглядывать его профиль.

– Ну, например, тебе невдомек, что мужчина вполне может просто захотеть тебе помочь – с чемоданом, с пакетами, с транспортировкой. Без какой-либо задней мысли.

– А ты без задней мысли? – уточнила я по инерции.

– Нет, я как раз с задней, – ошарашил Володя и вновь рассмеялся, глянув на меня. – Но для нас обоих будет лучше, чтобы ты как можно дольше об этом не догадалась! Сменим тему. Судя по вещам и твоему настроению, муженьку кранты? Нужна помощь в закапывании трупа? Только свисти!

– Подожди-подожди! – я вскинула руку. – Не сменим тему! Какой еще задней мысли?

– Спать с тобой хочу, – он ответил как ни в чем не бывало. – Но, успев узнать твой характер, понял, что к этой мысли тебя надо подводить медленно и осторожно, ни в коем случае не заявлять об этом в лоб.

Он отшучивался и издевался, но я немислимым образом успеваала вычленять главное:

– Со мной?!

– А я перед кем-то другим сейчас извозчика изображаю?

– Но почему? – мне действительно было интересно.

Володя усмехнулся, но как-то спокойнее, и на меня не посмотрел.

– Девственником притворяться не стану, у меня не получится. И потому признаюсь – в моей постели много кто побывал, Лиль. Но ни разу там не было замечено ни одной монашки.

– Ну спасибо! – взвилась я. – Это комплимент такой?

– Конечно, комплимент, – он пожал одним плечом. – Кстати, а едем-то куда, если пока не ко мне?

Пришлось назвать новый адрес, а то этому ушлomu типу хватит наглости действительно увезти меня на другой конец города и там заявить, что как раз перед его подъездом кончился бензин. Я надолго замолчала, обдумывая. Владимир постоянно шутит – и всё можно именно за шутку принимать. Но с другой стороны, зачем он меня вообще разыскивал? Уж вряд ли для кастинга на

роль главбуха в «Кинке»...

– Володя, – я заговорила спокойно и тихо. – Не могу сообразить, когда ты серьезен, а когда врешь, но лучше сразу скажу – никаких отношений у меня с тобой не будет.

– Не нравлюсь? – вопрос прозвучал равнодушно и без тени предыдущего веселья, как будто он услышал как раз призыв к серьезности.

– Сомневаюсь, что ты кому-то можешь не понравиться, – ответила без обиняков и поспешила добавить, чтобы быть правильно понятой: – Если речь идет о внешности и твоей легкости в общении. Но есть и более важные вещи – характер, например. Мы с тобой настолько разные, что вообще удивляюсь, как до сих пор умудряемся понимать друг друга без переводчика.

– А разве противоположности не притягиваются?

И снова – предельно спокойно. Неужели он всерьез намерился за мной ухаживать? Мысль вышла какой-то бесформенной, такую сразу в голове аккуратной стопкой не уложишь.

– Притягиваются, наверное. Но не настолько противоположные.

В сказанное я верила. Допустим, мы с Олегом разные в темпераментах, но есть что-то общее. К примеру, мы оба не извращенцы и не завсегдатаи «Кинков». Запихни Олега в ту комнату на втором этаже, его реакция была такой же, как у меня, если не еще яростнее. Несмотря на все недостатки, мы с ним относимся к категории приличных людей. Будь хоть один из нас другим, то два года вместе не выдержали бы.

– Так мы совсем друг друга не знаем, – Володя снова мягко улыбнулся. – А вдруг найдется общее – то самое, что и поможет притянуться противоположностям?

– Сильно сомневаюсь.

– Предлагаю свидание! – он не сдавался, а мне оттого было неразумно приятно.

– В «Кинке»? – я уточнила с неожиданным для себя сарказмом, просто он сам задавал именно такой тон нашим разговорам.

– Можно и не там, но места интереснее придумать не могу. Ты ведь третий этаж даже не видела, самый смак.

– Нет уж, уволь! – Я сделала паузу, а потом решилась: – Хотела спросить, а чем ты занимаешься? В смысле, по роду профессии.

– На этот вопрос я отвечаю только после третьего свидания, Лиль, – он продолжал шутить.

– Так у нас как раз третья встреча! – напомнила я.

– И ни одного свидания. У тебя словаря Даля что ли нет? Свидание – это когда кто-то побывал без штанов. Дословное словарное определение.

– Сомневаюсь, что Даль именно так определял это слово!

– Я вообще сомневаюсь, что Даль имел представление о минете, но мы сейчас не о личной жизни Даля. – Володя указал на здание в переулке. – Та развалина?

– Та, – ответила я. – Приехали.

Он сбавил скорость, поворачивая.

– Лиль, я тебе свой номер телефона не оставлю, даже не умоляй.

Невольно усмехнулась. Не нужен мне его номер – еще чего, будет раздражать в период бескрайней апатии соблазном набрать и отвлечься. А в ближайшем будущем я предвижу тонну апатии, лучше застраховаться от таких из нее выходов. Но высказала вслух другое, только пришедшее на ум:

– А ты случайно мой номер не узнал?! Ну, раз прописку...

– Не задавай вопросов, на которые не хочешь знать ответов, Лиль. – Володя смотрел вперед, хотя машину уже остановил. Возможно, не хотел смущать прямым взглядом и тем самым провоцировать меня бежать из машины как можно быстрее. – И если очень хочешь, то можешь мне его продиктовать.

– Нет, – ответ был очевиден, хотя прозвучал очень неуверенно. Повторила, чтобы своими ушами расслышать и поверить собственному голосу: – Нет!

– Нет так нет, – у него даже улыбка не померкла. – Ты знаешь, где меня найти, если захочешь. Я часто бываю в «Кинке», но если меня там нет, то через Артема сможешь вызвать. Если только захочешь.

Если захочу – странно звучит, ведь я ему ни в каких симпатиях не признавалась. Да и дико это – бегать за малознакомым мужчиной и выискивать через его друзей, чтобы просто перекинуться шуточками. И карты vip-клиента у меня больше нет, не пропустят, а стоимость входа скорее всего такова, что остановит меня в любом состоянии. Даже если я начну топить депрессию в литрах водки.

– Спасибо, что подвез. Пока, – я закончила нейтрально и вышла из машины.

Володя меня не останавливал и вообще ни слова не произнес, пока отдавал пакеты и следил за тем, как я захожу в подъезд. Кое-как преодолела желание обернуться, но взгляд его чувствовала.

К счастью, усталость позволила быстро уснуть, а не прокручивать в голове этот во всех смыслах необычный вечер.

Глава 6

Я-то думала, что моя жизнь развалилась после варшавской командировки, но оказалось, что это было только подготовительным этапом к настоящей катастрофе.

По будильнику проснулась и через две минуты ощутила невероятную бодрость, которой за собой давно не помнила. А где моя депрессия? Новое жилье, вполне

комфортное, новый сосед – студент, с которым мы столкнулись за ранним завтраком, а я после короткого знакомства искренне предложила разделить с ним овсяную кашу. Паша, неказистый и сутулый второкурсник факультета программирования, смутился до бордового бархата на щеках и отказался. Стеснительный очень. Но я не стала настаивать, мне ли его чувства не понять – как неудобно доставлять кому-то хлопоты? Завтра снова предложу, и послезавтра, и так до тех пор, пока Паша не согласится, что варить кашу на двоих – никакие не хлопоты!

Разумеется, дело было не в пунцовом студенте и не в новом жилье, произошла магия. И источником магии, как ни странно, выступил Владимир – вчерашнее теперь виделось в другом и еще более ярком свете. Даже если он шутил, даже если просто хотел развеяться или непременно сгладить результаты предыдущей шоковой встречи, но ведь потратил на меня время! Владимир, избалованный женщинами породистый красавец, по какой-то неведомой причине решил, что я достойна его вечера и усилий. И ведь поцелуй Артема теперь заиграл новыми красками – может, и не преувеличил блондинистый негодяй про возможную ревность? Магия поднятия самооценки до уровня, на котором никогда не бывала! Но, как оказалось, психика к этому уровню тоже должна подготовиться, иначе на вершине окажется слишком скользко...

Ровно двадцать минут я слушала крики начальницы, адресуемые всем командировочным. Но когда в очередной раз упомянули меня, неожиданно услышала свой робкий голос:

– У меня в трудовой книжке написано «бухгалтер», Карина Эдуардовна.

Начальница на миг замерла, а затем скривилась.

– Вы что-то сказали, Лилия Андреевна? – прозвучало в точности как «Что ты там блеешь, замухрышка?»

И я зачем-то чуть подняла тон, хотя до уровня звука остальных участников собрания мнебыло далеко:

– Бухгалтер, а не юрист, Карина Эдуардовна. Я не могу отвечать за погрешности в договоре наравне с теми, у кого в трудовой книжке написано «юрист»... – концовка вышла смазанной, почти неслышной.

В стороне главный юрист выдохнул – тихо, так, чтобы я только могла слышать:

– Последние грибы встали на дыбы.

И эта фраза меня невыносимо взбесила – просто до дрожи в руках. А почему я должна молчать? Потому что всегда молчала – это и есть достаточная причина? Краснея не хуже утреннего студента Паши, подняла голос еще на полтона:

– Именно так, Карина Эдуардовна! И если уж речь зашла о списке премиальных, то можем начать с другого списка – кто и что конкретно сделал в Варшаве. Боюсь, в этом случае я не смогу оказаться в конце...

Гробовая тишина давила, обескураживала, заставляла краснеть еще сильнее. Мне никогда до сих пор не удавалось оказаться в центре всеобщего внимания так остро. Кто-то изогнул бровь, кто-то с удивлением рассматривал мое лицо, как если бы я впервые оказалась в этом офисе, кто-то усмехался в кулак. Я же мечтала лишь провалиться сквозь землю. Однако начальница удивила:

– Хорошо, Лилия Андреевна. По крайней мере, сложно спорить, что ваш отчет был исчерпывающим. Елена Игнатьевна, верните ее в список. Молодых специалистов надо поддерживать – и кто знает, не вам ли достойная смена вырастет?

В меня вселился демон, раз я по его импульсу летела дальше и продолжала хорохориться:

– Молодым специалистам и зарплату надо индексировать, чтобы они захотели стать достойной сменой.

– Не наглейте, Лилия Андреевна, – усмехнулась начальница и продолжила нервотрепательное совещание.

Взгляды на меня стали еще пристальнее, сотрудники даже не слушали, что начальство продолжало их полоскать. Я же от неожиданной победы приободрилась, хотя – странное дело – провалиться под землю все равно хотелось. Раньше я была пустым местом, а теперь – пустое место с хамским

гонором, это в каждом направленном на меня лице читалось. Людям прощают решительность только в том случае, когда этой решительности ждали. Но решительность от «последнего гриба на дыбах» смешна и непростительна, она вызывает не ненависть даже, а неприятное удивление. Карина Эдуардовна отреагировала на мое заявление лучшим образом, но уважения в ее глазах не прибавилось. Завтра я снова буду в чем-то виноватой – и снова придется либо проглатывать, либо показывать характер, а второй раз я уже не переживу. Смешки эти унижительные хуже, чем лишиться премии...

Думала я до конца рабочего дня, а затем приняла решение. Карина Эдуардовна явно удивилась появившемуся на ее столе заявлению об увольнении. Вскинула на меня взгляд и поморщилась.

– Меня ультиматумами не возьмешь, Лилия Андреевна. Обсудим повышение вашей зарплаты в следующем месяце.

– Дело не в этом. – Я окончательно растратила всю энергию, потому снова привычно для нее блеяла. – Я больше не хочу здесь работать.

Если бы меня попросили составить рейтинг самых идиотских решений, то это заслуживало бы золотой медали с алмазным рисунком. Увольняться, когда меня и не думали увольнять, да еще и в текущем финансовом положении – просто немыслимо. Следствие болезненно подскочившей самооценки и стремительного полета вниз после. Вот только выходя с работы и настраиваясь на еще две недели отработки, я вдруг почувствовала облегчение. Ведь я действительно не хочу здесь оставаться – душа требует другой атмосферы и другого коллектива, где на меня не будут по привычке смотреть как на раздавленного червя. Устроюсь в новую фирму и уже не буду молчать, столкнувшись с несправедливым отношением, – сразу покажу, что со мной так нельзя. А факт, что Карина Эдуардовна напоследок еще пыталась отговорить от скоропалительного решения, подстелило подушку безопасности для несущегося камнем вниз чувства собственной важности.

То, что я погорячилась, стало понятно задолго до конца испытательного срока. Но я пока не теряла надежды и резюме, составленное вместе с Кирой, отправляла по всем мелькавшим адресам. И не то чтобы вакансий не находилось, но душа не лежала – казалось, что в фирме «А» и в фирме «В» будет то же самое, что на старом месте, никаких отличий, а фирма «С» сама желанием не горит лицезреть меня в своем штате. Нет, предложений на рынке

трудоустройства хватало, но мне до ужаса не хотелось попасть в то же самое болото, и не придумывалось никаких аргументов в пользу другого развития событий. Папа еще до моего поступления в институт говорил, что бухгалтер нигде не пропадет, а мама добавляла, что к моему характеру профессии лучше не придумаешь. И за все эти годы я ни разу не усомнилась, а теперь только сидела на сайте объявлений и ловила себя на мысли, что не могу себя заставить позвонить. Да и не стоит принимать решение прямо сейчас, впереди еще расчет, денег на ближайшее время хватит. Могу хоть целых два месяца думать и выбирать. Последняя мысль заставила затрепетать от ужаса – целых два месяца висеть в неопределенности! А потом что? Соглашаться на первую попавшуюся работу или возвращаться к родителям, а то и Олегу, с признанием полного поражения?

Больше чтобы отвлечься, просматривала и другие специальности. Наткнулась на «бармена» с обучением и указанием минимальной зарплаты после испытательного срока, которая была выше моей предыдущей штатной. Сама эта сумма, да и оговорка Марго в туалете подсказали, какое именно заведение ищет сотрудников, хотя название «Кинк» в объявлении не значилось, только знакомый адрес. Зато на этот раз я рассмеялась довольно искренне, представив себя в кожаном лифе рядом с рыжеволосой красоткой, которая ко всем обращается «милый» и «милая». Эх, мне бы ее энергетику, я бы тогда... нет, не барменом устроилась, но стала бы самым лучшим бухгалтером! Сильно сомневаюсь, что Марго способна раскраснеться или промолчать, когда на нее незаслуженно кричат.

И вдруг меня озарило простой в своей очевидности мыслью. Марго такая именно из-за своей работы! Она прокачала навыки общения, умеет с полувзгляда определять настроение клиентов, а пьяных хамов ей попадалось немало по долгу службы – не знаю, хамит ли она в ответ, но точно научилась фильтровать услышанное! Если бы ее поместили на последнее совещание в нашем офисе, то она не выглядела бы раздавленным червяком, как некоторые. Вот бы и мне хоть недельку-другую побывать на этих «курсах» общения с самыми разными людьми, всего лишь на первом этаже «Кинка», где ничего вопиющего не происходит...

Еще несколько дней я мучилась. Олег не появлялся и не звонил. Володя не появлялся и не звонил. Последнее вообще неприятно тревожило. А мне его внимание польстило, сил придало на свершения, как же обидно так сразу остаться брошенной и неинтересной. Он открытым текстом заявил, что

следующая встреча произойдет по моей инициативе, хотя вряд ли сомневался, что никогда этой инициативы не последует. Меня все оставили в покое, как я и хотела! Но удовольствия от этого не испытала, а мысль все крутилась и крутилась. Денег при жесткой экономии хватит всего на пару месяцев, но это срок – он допускает и программу обучения! И, если я сама хоть немного изменюсь, то объявления о поиске бухгалтеров уже не будут так пугать. Возможно. Заодно я там увижу Владимира, на которого невольно злилась за отсутствие звонков и визитов, но с отговоркой, что не ради него туда явилась. Изобразю, что уже на грани отчаянья, необходима любая подработка, даже такая спорная. Это не так неловко. И если он пройдет мимо, раз уже потерял ко мне интерес, то и стыдно за навязчивость не будет.

Про Артема я не забыла, как и про его поцелуй. Глупо надеяться, что на собеседование не явится директор. И, понятное дело, одна эта мысль могла запереть меня в комнате на веки вечные. Но я заставила себя поехать буквально силой – мне давно надо выйти из зоны комфорта! Если смогу не раскраснеться при Артеме, то и следующий начальник одним криком не сможет ввести меня в ступор.

Явилась в «Кинк» утром за пятнадцать минут до указанного в объявлении времени собеседования. Охранник пропустил сразу после короткого пояснения и, похоже, меня не узнал. Да я и сама не была уверена, что это тот же самый охранник, – прежнего он напоминал лишь габаритами, а в лучах утреннего солнца не выглядел столь же угрожающим.

Возле барной стойки со стороны посетителей разместилось несколько человек – парни и девушки. Кто-то из них держал металлические стаканы в руках и ловко крутил их в воздухе, демонстрируя навыки профессиональных фокусников. С ужасом я понимала, что для них предлагаемое обучение и не нужно. С еще большим ужасом я не рассмотрела в зале Марго. И почему мне не пришло в голову, что она вовсе не обязана торчать здесь круглосуточно? Пожалела о своих потугах и потраченном часе жизни, резко развернулась и воткнулась носом в грудь.

– Лиля? – Артем сразу меня узнал. – А ты зачем здесь? Володи в такое время не бывает, мы вообще сейчас закрыты для клиентов.

Снова белая рубашка с закатанными рукавами. Вот он, наверное, в «Кинке» круглосуточно пребывает, а не Марго, которую я подсознательно мечтала здесь

встретить больше всех остальных. Пришлось ответить:

– Думала попытаться устроиться на должность бармена. Если с обучением...

Он шагнул мимо, но говорил, обращаясь ко мне:

– Тогда почему стоишь в проходе? – Остановился, снова окинул взглядом с ног до лица. Переспросил с легким удивлением: – Ты, барменом?

– Ну да... – я ощущала в себе желание нестись так, как в первый раз отсюда не уносилась. Говорила быстро и давила из себя улыбку, скрывая глупый вид: – Хотя не думаю, что это хорошая идея. Просто осталась без работы и вот, увидела вакансию...

– Это плохая идея, – отрезал Артем, однако все еще стоял на месте и не спешил к тем, кто его ждал. – Сам факт, что ты мнешься в нерешительности, уже делает из тебя неподходящую кандидатуру. Я ищу человека яркого, коммуникабельного, энергичного, с чувством юмора и хорошо поставленной речью. Ты в курсе, что хороший бармен делает из случайного клиента постоянного?

Я опустила взгляд в пол, проклиная себя за недавнюю решительность. Припомнила и Марго, которая короткой фразой сумела припечатать меня к стойке и приободрить – это же и есть тот самый профессионализм! Разве я на такое способна?

– Догадываюсь, – шепнула почти беззвучно.

Но он зачем-то беспощадно продолжал меня уничтожать:

– Я никогда не отправлю за стойку девушку с таким уровнем звука и с такой презентабельностью, Лиля. При всем уважении к твоим знакомствам. Не воспринимай мои слова как оскорбление, это бизнес.

– Я... понимаю. Простите.

– Мы же переходили на ты? – Он неожиданно улыбнулся. – И ты подруга Володи, потому на такой ноте не распрощаемся, раз тебе срочно нужна работа. Подожди меня здесь, – он кивнул на ближайший столик, – что-нибудь придумаю, когда с новобранцами разберусь. Твоего запала хватит хотя бы подождать? Или он закончился на входе?

Последнее прозвучало вызовом, а Артем даже не дождался моей реакции – направился к стойке. Я бессильно упала на ближайший стул, чтобы сообразить. Он неверно понял! Принял меня за близкого человека Владимира, потому посчитал себя обязанным помочь, заодно и услышал в моих невнятных ответах о важности срочного поиска работы. Когда освободится, я все объясню, поблагодарю за участие и с чистой совестью уйду, на этот раз не позорно.

Глава 7

Главное, прямо сейчас не сорваться с места. Но к решению этой задачи я не прилагала усилий, поскольку возрастал интерес к тому, как проходил кастинг. Артем, свернув за стойку, встал с другой стороны и упер кулаки в гладкую поверхность. Возможно, его кто-то представил, чего я не услышала, но все разом затихли. Я же, оказавшись вне всякого внимания, имела возможность просто наблюдать за ним и за реакцией на него окружающих, и это зрелище обескураживало, вдохновляло, неожиданно еще больше захотелось быть такой же, как Марго или Артем, в облике которого не было ничего от бармена.

Соискатели сразу заметно подобрались, трюки со стаканчиками прекратились – они в один миг стали выглядеть нелепой показухой. Артем говорил тихо, как обычно. Он обращался ко всем по очереди – быстро, прицельно задавал какие-то вопросы, я изредка могла услышать ответы. Один из кандидатов представился, другой назвал какое-то заведение – возможно, предыдущее место работы. Короткие вопросы и короткие ответы, Артем сыпал ими без понятной системы, отчего все погружалось в напряжение. Одна девушка начала отвечать обстоятельно, но он ее перебил новым вопросом, для которого чуть наклонился вперед. Девушка громко выкрикнула:

– Что вы себе позволяете?!

И Артем впервые повысил голос, чтобы его расслышали сразу все:

– Освободите место, Тамара. Заодно к ней может присоединиться каждый с такой же нулевой стрессоустойчивостью.

– Но...

Но он ее уже вычеркнул из кандидатов и скользнул взглядом как по пустому месту, обратившись к следующему.

– Иван, а почему вы в вашем возрасте и с психологическим образованием не смогли найти более спокойную работу? Признак идиотизма, ей-богу. Все идиоты идут вслед за Тамарой, назовем ее флагманом.

– Из-за зарплаты! Артем Александрович, у вас не получится сбить меня с...

Артем перебил снова тихо, а девушка пронеслась мимо меня с перекошенным от раздражения лицом. Но никто ей даже вслед не глянул, Артем только наращивал темп и гипнотизировал оставшихся. Со временем их становилось все меньше – он просто выгонял, если не нравился ответ или интонация ответа.

А я взяла с головой в этой ауре. Как мне при первом знакомстве показалось, что он одного типажа с моим Олегом? По цвету волос, росту? Пф, какие мелочи! Ничего общего! Если рядом с ним поставить Олега, то второй бы просто скукожился в сравнении, его никто и не заметил бы на фоне Артема. Как он так быстро соображает, как запоминает единожды произнесенные имена, почему не выходит из себя, даже когда очередной отверженный при уходе сыплет матами? Он будто изолирован от чужих эмоций, идеал ленивого самообладания. В Артеме было самодовольство – качество, которое я терпеть в людях не могу, но самодовольство расслабленное, интуитивное, абсолютно естественное. Заразное высокомерие. Я утопала в новом ощущении, тоже выпрямляла спину, как это делали сидящие перед стойкой, и понимала, что если он предложит мыть посуду на кухне или драить туалеты – соглашусь. Не потому, что мое образование соответствует мытью посуды, а чтобы хоть изредка быть свидетелем подобных вещей. И, быть может, через пару тысяч лет я тоже впитаю десятую долю этой ауры.

Перед ним остались двое, которые посматривали друг на друга с ненавистью конкурентов, и я могла их понять. Выиграть в этом кастинге – все равно что на Олимпийских играх взять пару золотых медалей. Артем невероятным образом создал такую атмосферу, и, уверена, оставшийся будет работать на него вечно, душу продаст за эту работу. Но директор вскинул руку и заявил, что пока остаются оба, один вылетит из «Кинка» в конце месячного испытательного срока. Это было жестоко, даже мне стало их жаль, – он влюбил их в себя, приворожил, как любого зрителя, создал ощущение бесценности приза, но не подарил им такую желанную награду и не отпустил на волю, а только усилил напряжение. Неудивительно, что «счастливики» покидали зал с усталыми улыбками, не в силах определиться – то ли радоваться полупобеде, то ли попытаться задушить конкурента сразу за стенами клуба.

И после этого Артем направился ко мне – с той самой неидеальной улыбкой, которую почему-то ни разу не обозначил во время собеседования. Хотя и правильно делал: если бы он им еще и улыбаться начал, то выгонять отсюда кандидатов пришлось бы с привлечением охраны.

– Почему ты так смотришь, Лиля?

А мне настолько хотелось на него смотреть, что я о привычном смущении позабыла. И сказала первое, что пришло на ум:

– Жаль, что во мне нет ничего для того, чтобы стать твоим барменом.

Он сел напротив и слабо поморщился:

– Я ведь уже объяснил. Ничего личного.

– Я слышала и все поняла. Просто призналась, что мне жаль.

Артем подался в мою сторону, не отрывая пристального взгляда от лица, и поинтересовался с неожиданным равнодушным давлением, как собеседование вел:

– У тебя серьезные затруднения? А Володя в курсе? Не хотелось бы прыгать через его голову. Хотя вру – хотелось бы. Но только с согласия одной из сторон –

допустим, твоего.

Я натянуто рассмеялась и взмахнула рукой.

– Нет, Артем, я неверно выразилась. Никаких особенных затруднений! Я бухгалтер по образованию, но вдруг захотелось временно попробовать что-то другое. Сама не понимаю, почему оказалась именно здесь...

Он перебил:

– Я понимаю, почему ты оказалась именно здесь, но продолжай.

Хмыкнула и объяснила дальше:

– Даже ты недавно заметил... ну, мои отрицательные черты. Вот и пришло в голову, что мне нужен какой-то стресс, вылет из зоны комфорта, чтобы научиться тому, чего раньше не умела. И ты ошибаешься насчет нас с Володей – признаться честно, я не его любовница и не подруга, мы едва знакомы! Так что ты вовсе не обязан мне помогать.

– Seriously? – Артем удивился. – Жаль.

– Почему же жаль? – не поняла я.

– Я обрадовался, что друг впервые обратил внимание на кого-то стоящего, а не проходных профурсеток. Видимо, я слишком много вкладываю в понятие «эволюция», а некоторых она не затрагивает. Тогда к делу. В штат я тебя не возьму – люблю деньги зарабатывать, а не заниматься благотворительностью. Но могу предложить короткую подработку.

Я не ответила, лишь напряглась и вскинула брови. Было интересно, но я уже не ждала ничего хорошего, и Артем не подвел:

– Ресторан для вивов на четвертом, его решили оформлять в стиле ретро. Нужны модели для черно-белых стилизованных фото, но модели неизбитые, не имеющие ничего общего с современной раскованностью. Видела фотографии тридцатых годов? У них даже эротика целомудренна. Тебе – оплата по факту

исполнения, мне – экономия на профессионалках и поисках.

Я вспыхнула.

– По-твоему, я пойду на такое? Фотографироваться голой для оформления?! Да я на бармена неделю настраивалась!

Артем рассмеялся – свежо и легко, сделавшись притом похожим на подростка:

– Ого, какие фантазии, рад слышать. Кто тебе сказал, что голой? Это ресторан, а не зона секс-расслабления. Должно быть стильно, эротично, но не пошло. Никому для этих целей твоя раскрытая вагина не нужна.

– Не голой? – я уловила только это.

Он рассматривал меня несколько секунд, как если бы смаковал мое смущение. Артема нельзя назвать таким же впечатляюще красивым, как Владимир, – он совсем другой. Симпатичный, конечно, но больше харизматичный – мимика не слишком живая, но оттого жаждешь любых ее проявлений, глаза внимательные, а лучше всего – улыбка, искривленная неправильной формой клыков. В таких вряд ли можно влюбиться с первого взгляда, но на таких лучше не смотреть долго – чем дольше смотришь, тем больше проникаешься. Или все же сходство с типажом Олега сыграло роль, раз я так безотчетно тонула в этом наблюдении?

– Да, точно, – Артем ответил не на мой вопрос, а на какой-то свой. – Тебе нужен стресс и деньги, мне нужна модель – у тебя хороший изгиб талии и длинная шея. Лицо затемнить, как и часть тела, это добавит интригующего эротизма. Нет ничего плохого в том, чтобы попробовать то, чего раньше не делала, – можешь увидеть себя с другой стороны. Ведь ты этого и искала? Все, пойдем, стрессовые деньги лучше не откладывать до приступа панического страха.

– Но я... не... – не закончила, поскольку не знала чем. Пока не готова? Или никогда не буду готова к подобному? Мне нужно больше аргументов или достаточно того, что Артем встал, показывая, что не собирается меня уговаривать? Потому встала и я, смущенно добавив: – Я не модель... И... Ты там будешь один?

– В студии будет фотограф, разумеется.

– О... А я решила, что ты сам...

– Я много чего сам. Можно хотя бы не фотографировать?

– Ладно! – выкрикнула почти с вызовом. – Но уйду сразу, как только захочу!

– Оплата только по факту, – Артем пожал плечами и направился к лестнице, не дожидаясь меня.

Вообще-то, я не особенно мучилась выбором. Да, страшно и неудобно. Но если лицо затемнено и обнажаться полностью не придется, то почему бы не испытать себя? Ведь я ехала в «Кинк» как раз с этой целью – испытать себя. И если ничего не выйдет, то поставлю галочку, что хотя бы попыталась. А струсить – это самое простое. Всю жизнь трусихой была, таковой и останусь, если и сейчас поддамся панике.

Коридоры пустынные, в это время «Кинк» похож на пятизвездочный отель. Нам навстречу попался парень, пронесшийся мимо с почти неслышным: «Здрасьте, Тём Саныч», и ноль внимания мне. Никто не сложил руки на груди и не окатил презрением за двусмысленное решение. В пролете третьего этажа Артема остановила женщина в деловом наряде, я прошла чуть дальше, не мешая им разговаривать. Сотрудница может быть поваром или стриптизершей, может быть актрисой для порно-постановок или уборщицей, или даже бухгалтером. Уйдя в сторону, я ощутила себя в закулисы гигантского театра, ожидающего своих зрителей. Это просто бизнес, ничего личного, но вечерние стоны и извращения будут натуральными.

Третий этаж оформлен иначе, чем второй: там обилие красного, здесь – бежевые панели в скандинавском стиле неброской роскоши. Именно этим этажом меня пугал Владимир. Я оглянулась – Артем все еще разговаривал с женщиной, давал какие-то распоряжения, потому я осторожно прошла дальше. Вряд ли меня обругают за лишнее любопытство, но ведь оно есть. Помявшись несколько секунд, я толкнула первую дверь и заглянула внутрь.

До меня не сразу доходило, что я вижу. Но через полминуты по спине побежал холодный пот. Большой зал декорирован под средневековую инквизиторскую:

каменные стены, производящие впечатление грязи и обугленности. Я на дрожащих ногах подошла к деревянной инсталляции и вновь содрогнулась, без труда понимая, для чего она предназначена: верхняя доска поднимается, в ложбинки помещается голова и руки, затем человек фиксируется в таком положении. Может быть, просто декор... хотя теперь я разглядела и цепи с наручниками на стенах – они только выглядели жесткими, но были выполнены из кожи и с удобными замками, то есть явно предназначались для использования. Я просто застыла, переводя взгляд с одних оков на другие, а потом неизбежно возвращалась к центральной колодке – она пугала больше всего.

– Здесь приковывают женщин, – раздался спокойный голос Артема за спиной. – Зал для мужчин-сабов дальше. Закрепляют – поза не очень удобна, я уж молчу про состояние полной незащитности. Она даже не может видеть, кто подходит сзади и берет ее. А сзади может быть целая толпа, некоторые хотят воткнуть в незащитное тело возбужденный член и побыстрее кончить, некоторые не прочь и продлить удовольствие, нервируя остальных самцов. Думаю, самый смак такой конкуренции в том, что каждый неосознанно хочет стать для нее особенным – чтобы именно его она почувствовала и отличила от остальных. Потому обычно мужчины сами себя превосходят в ярости – такой секс мягким не бывает, он неизбежно выходит за рамки нежности. А женщина принимает и принимает, не в силах даже неудобную позу сменить...

– Так это рабство?.. – выдохнула я непроизвольно, сжав заледеневшие пальцы.

– Ага, рабство. Заманиваем сюда невинных дев под предлогом фотографий, оформляем в кандалы и отдаем клиентам.

– Что?!

Я развернулась к нему, но увидела смеющиеся зеленые глаза. Артем потешался над моим видом и вопросами.

– Лиля, ты в своем уме? Какое рабство? Поначалу приходилось нанимать порно-актрис, но потом появились клиентки – и ты удивишься, узнав, что их немало. Однако чаще зал снимают компаниями – на такие эксперименты проще отважиться со знакомыми людьми. А вот здесь, – он указал на место, – стоит надзирательница, полуголая и с плетью. На самом деле именно она заранее

инструктирует «жертву», останавливает шоу по ее команде или признаках усталости, а так же следит за соблюдением правил: все должны быть в презервативах и, если не подразумевалось по соглашению анала, то анала не будет. Она нередко пускает плетъ по назначению и приструнивает заигравшихся, но это только добавляет зрелищности.

– Боже... какой ужас. – У меня дрожали руки от волнения. – Омерзительно! Даже боюсь представить, что в других залах!

Он будто не заметил моей злости и пожал плечами:

– В следующем стена разделяет мужчин и женщин, а взаимодействовать они могут только через круглые отверстия на уровне паха, и...

– Не надо! – прервала я, подняв сразу обе руки, и повторила: – Это омерзительно! О какой любви, романтике, взаимоуважении можно говорить, если женщины позволяют вот так с собой обращаться?

– Почему? – он изогнул светлую бровь. – Потому что это не устраивает лично тебя? Лиля, ты даже мысль не можешь допустить, что все люди разные? И если кому-то из них нужен жесткий секс, то пусть это произойдет здесь, по оговоренным правилам и в безопасности, чем они начнут искать приключений в темной подворотне. Неужели ты не способна представить, что для многих – это просто способ релаксации, причем очень мощный, запоминающийся? Реализация скрытых фантазий или наклонностей, от которой все участники получают удовольствие. Или каждый обязан спрашивать твоего мнения, считаешь ли ты их фантазии омерзительными?

Я такой агрессии от него не ожидала, потому невольно отступила.

– Да нет, я допускаю мысль... В принципе, пусть люди делают хоть что, если другим не мешают...

– И это не так омерзительно?

– Ну, наверное. Лишь бы им нравилось.

– А сама в колодку хочешь?

– Ни за что! – воскликнула и спешно добавила, признавая в его аргументах смысл: – Хотя ты прав, осуждать женщину, которая этого хочет, как-то инфантильно и неправильно...

И вдруг Артем почти закричал:

– Как ты можешь?! Лиля!

– Что? – опешила я еще сильнее.

– Ты ведь только что отказалась от своих принципов!

– Что? Да я не...

– Никаких приоритетов! – он фактически не орал, но сильно давил тоном: – Внутри стержня нет? Ее же ебут толпой, а она кончает раз за разом под присмотром нанятой мной дамочки, которую все тут называют надзирательницей? Это нормально? А как же любовь, романтика, взаимоуважение? Для тебя они за полминуты стали пустыми звуками? Спать-то ночью спокойно будешь, так запросто признав, что в мире больше нет любви и романтики, а?

– Да я не...

Он сбавил тон, вновь начиная улыбаться:

– Я пошутил, расслабься. Просто ты так классно сбиваешься с толку – я это еще после поцелуя заметил – что хочется сбивать и сбивать. Идем уже на четвертый, пока фотограф на месте.

Я еще меньше была уверена, что хочу с ним куда-то идти, но поплелась следом. Юмор у Артема такой, очень странный и обескураживающий. Но, если уж начистоту, моя реакция действительно должна была его развеселить – так в чем проблема: в сомнительных шутках Артема или моих неадекватных реакциях? Вот потому и плелась, будто бы где-то там, как раз на четвертом этаже самого

злачного места в мире и найдутся ответы.

Глава 8

Иногда ресторан означает просто ресторан. Именно им он и был по всем известным мне критериям ресторанности. Похоже, здесь собираются все самые-самые вилы в свободное от извращений время. Не удивлюсь, если тут же проводятся официальные деловые обеды и переговоры – не зря же я разглядела другой выход, ведущий скорее всего на торец здания, а не в общий холл. Быть может, он даже обладает какой-нибудь отдельной приличной вывеской, не имеющей ничего общего с названием заведения. Образец утонченной цивилизованности: не шагай дальше и не поймешь, на каких пороках он зиждется.

Артем еще по пути позвонил фотографу и попросил спуститься в ресторан.

– Вот, модель тебе привел, – представил он меня без имени невысокому и очень изящному мужчине, одетому в слишком широкие для него штаны и футболку.

Тот окинул меня почти презрительным взглядом, вздохнул и резюмировал:

– Саныч, я просил, конечно, робость, но не до такой же степени!

– Времена такие наступили. – Артем развел руками. – Или ширпотреб, или непроходимая безнадежная робость. Ваяй из того, что есть, гений.

– Попытаюсь. – Фотограф даже щупать меня начал, но без вожделения, а словно бы равнодушно оценивал руками изгиб плеча и степень выпирания ключиц.

– Пытайся, Гордей. – Артем отступил к стене. – Марина из Парижа возвращается в следующий понедельник, я с ней уже связался. Но будет тупо увешать здесь всё одной Мариной, которой уже вся Европа увешана.

– С этим сложно спорить. Марина прекрасна, но растиражирована до пошлости. А здесь ни грамма пошлости, как ни грамма тиражирования...

Мне не понравилось, что меня обсуждают как вещь. Зато очень успокоило, что они спокойно меня обсуждают как вещь – признак отсутствия скрытых мотивов. К моему удивлению, меня не увели в какую-нибудь студию с бархатными драпировками, а Гордей, как к нему обращался Артем, начал перетаскивать осветительные приборы прямо в пустующий ресторан – в этом, оказывается, была основная концепция: чтобы интерьер попадал в кадр и создавал ощущение присутствия модели прямо здесь или возврата в прошлое к ней. Все эти мероприятия окончательно убедили меня в том, что я не зря согласилась на сессию – ничего непотребного в ней не подразумевалось. Через несколько минут появилась и помощница Гордея, она с тем же сосредоточенным видом осмотрела меня, затем побежала за нарядами. Она же и прической занялась, про макияж никто не заикался – по задумке «гения» лицо не должно попадать в кадр, или черты будут затемнены, что меня полностью устраивало.

Помощница Аллочка увела меня в смежную комнату и там вырядила в несуразное короткое платье на корсете, попыталась присобачить шляпку, но потом нервно откинула ее. Зато волосы залакированными локонами преобразили меня до неузнаваемости. Она удовлетворенно хмыкнула и так же молча и беспардонно вытолкнула обратно в ресторан.

Зажатая и нервничающая, я принимала на стуле те позы, которые криками требовал Гордей. Он сделал по меньшей мере сотню снимков, но становился все более недовольным:

– Не то, не то! Икры хороши, но мы не можем хватать только икры, Саныч! – Он ни разу не назвал меня по имени, а оперировал лишь частями моего тела.

Артем не уходил из зала, наблюдая за действием почти безучастно, а голос подавал только тогда, когда к нему обращались:

– Хватай что можешь, Гордей.

– А я ничего не могу! – истерично вопил фотограф. – Я как будто мертвую невесту Буратино фотографирую! Подайте мне Марину!

– Марина в Париже, – спокойно отреагировал Артем и обратился ко мне: – Лиля, кажется, нам тонко намекают, что ты слишком зажата.

– Зажата?! – вместо меня визжал фотограф. – Ее силой сюда приволокли, вытащив из-под Буратино? Деревянная девочка, очнись! Где твои изгибы, где чувственность? Ты там вообще хоть дышишь?

Он откинул камеру на стол и подлетел ко мне, нервно стягивая с плеча ткань. Оголил плечо, за него же схватил и дернул, как если бы собирался меня разбудить. Но потом замер и провел пальцами по шее, отошел на пару шагов и взглянул иначе.

– А давайте мы ее разденем...

– А давайте не будем! – я наконец-то проснулась, как он и просил.

– Не совсем разденем... – Гордей меня и не слышал. – Обнажим эти переходы. Аллочка, ряди модель в шифон! И как я раньше не подумал?

Меня, как куклу, утащили в комнату, там Аллочка обмотала меня полупрозрачной тканью, оставив из моей одежды только трусики. Но в зеркале я тщательно себя рассмотрела – ничего не видно, просто сама ткань иначе облегает тело: никакой откровенности, а смотрится по-другому. И Гордей, увидев меня, завопил:

– Именно! Садись спиной, а голову вполоборота, – приказал и снова начал щелкать своим аппаратом. Но через пару минут опять пришел в неистовство: – Алё! Расслабься! Куда ты плечи задираешь? Мы тут чувственность снимаем, а не каторжные работы! Нет, я так не могу... Подайте мне Марину!

Артем со вздохом прошел мимо него и присел передо мной на корточки. Посмотрел снизу в глаза.

– Я предупреждала, что не модель! – поспешила оправдаться.

– Вижу.

Он не убеждал, не подкидывал мне доводов, а пододвинул стул вплотную и сел рядом. Зачем-то повел рукой по ткани, скользя от локтя к плечу. И прошептал едва слышно:

– Закрой глаза, Лиля. Тебе нужно отвлечься от происходящего.

Я прикрыла, все еще не теряя надежды, что справлюсь. Чуть наклонила голову к нему, чтобы слышать успокаивающий голос. Я сидела спиной к внезапно притихшему Гордею, а Артем, наоборот, лицом, но повернулся профилем, тоже подавшись в мою сторону.

– Чудный кадр! Охереть, какое порно! – похвалил что-то свое фотограф, но я не поняла, ведь мы даже друг друга не касались. – Еще чуть ближе, но головы не поднимайте. Саныч, расстегни-ка верхние пуговицы, расправь рукава. Аллочка, а у нас есть мужской ретро-пиджак?

Я их не слушала, просто старалась расслабиться, чувствуя пальцы, мягко перебирающие ткань и иногда соскальзывающие на голую кожу руки. Вероятно, концепция изменилась по ходу дела – теперь вместо модели фотографу захотелось влюбленную парочку, которую он разглядел в нашем невольном сближении. Не поцелуй, но его грань – «за секунду до». Ничего не понимаю в искусстве, но по мне, в этой позе больше секса, чем в сексе.

– Саныч, еще ниже к плечу. Твой профиль оставлю в кадре!

– Ну вот, теперь я еще и Марина, – услышала почти в самое ухо.

Усмехнулась бы, если бы была не так сосредоточена на том, чтобы не напрягать шею и плечи. А то снова наорут, что каждое мое сухожилие видно.

Я почти расслабилась, но снова напряглась, когда всеведущие руки истеричного фотографа стянули ткань ниже, обнажая спину. Взвилась, но Артем перехватил меня – положил горячую ладонь на шею и наклонился к плечу, не касаясь кожи губами. Я замерла, волнуясь теперь иначе. У него одеколон, наверное, дорогой, несложно было предположить, но утопать стало еще проще, чем на расстоянии. Похоже, Артем за нас обоих изображал ту самую чувственную эротику, которую требовали от меня. И раз звуки вокруг принимали другой характер, фотограф поймал и этот кадр. Он с каждым следующим щелчком камеры вдохновлялся:

– А модель-то ничего! Как звать-то?

Ему не ответили, а он и не ждал:

– Саныч, отойди теперь, отойди к едрене фене! А то и не заметим, как окончательно на порно перейдем – у нас на втором этаже то же самое. И подайте мне грудь! Движение ткани, скольжение вниз и стоп-кадр на соске, чтобы дух захватило от предвкушения следующего момента, которого не будет. Я заставляю всех кончать, даже не увидев соска! Это прекрасно!

Я подскочила – и от его слов, и от того, что Артем отстранился, а я словно потеряла точку опоры. Вылупилась на директора, ведь мне было обещано, что никакой обнаженки! Он опередил мое возмущение:

– Я отвернусь, Лиля. Твой сосок увидят только Аллочка и Гордей, а он с половой принадлежностью так и не определился.

– Нет!

– Оплата только по факту сделанной работы. А гению нужен твой сосок, ничего не могу поделать. – Он лукаво улыбнулся.

– Я не настолько нуждаюсь в деньгах, чтобы взывать к моей меркантильности, Артем!

– А к чему взывать? – Он вдруг начал расстегивать оставшиеся пуговицы на рубашке. – Стесняешься? Тогда я разденусь. Так будет легче? Или всех тут разденем?

Он стянул рубашку, обнажив грудь и плечи, я несколько секунд не могла собраться, невольно приклеив взгляд к его коже. Но когда он начал расстегивать штаны, завопила:

– Не надо!

Я была твердо уверена, что Артему ничего не стоит встать передо мной голым – показать, что мое смущение станет выглядеть нелепым по сравнению с его видом. Он замер от моего крика, но так и оставил штаны с расстегнутой пуговицей и молнией. Стоило немалых трудов, чтобы не посмотреть туда и

убедиться, что ничего там он обнажить не успел. Я краснела и прекрасно осознавала, как на меня давят, но сказала:

– Ладно. Только отвернись.

Спадание ткани по груди обеспечивала Аллочка. Она сбивала ткань, а потом отпускала ее, чтобы та свободно текла по телу. Потребовалось несколько кадров, пока Гордей одобрительно не заулюлюкал. Я лишь могла думать о том, как низко пала: фотограф во всех деталях смог рассмотреть мою грудь, а удовлетворился, лишь когда сосок напрягся – то ли от трения шифона, то ли от прохлады. Старалась хвалить себя за смелость, но это не удавалось. И сильно обрадовалась, когда фотограф закончил:

– Чудненько! Потребуется еще обработка снимков, но эта смесь скромности, откровенности и обещания идеальна!

Он в той же шумливой спешке начал отключать осветительные приборы и гавкал на Аллочку, которая для его энергетики была недостаточно скоростной. И лишь после этого я вспомнила об Артеме. Вначале он действительно развернулся от меня, так и не удосужившись надеть рубашку, но прямо в этот момент смотрел в мою сторону. Я спонтанно подтянула ткань еще выше, но не могла не подумать, как давно он рассматривает...

Артем подался вперед и снова сел на корточки. Мои пальцы зажали шифон уже у самого горла, но он от судорожного жеста только усмехнулся и тронул залакированные до пластмассы локоны, словно ими заинтересовался. Волосы у меня густые, предмет гордости, но такого внимания к ним мне не приходилось испытывать. Смущала и близость мужчины, особенно после почти интимной сессии, и его обнаженные плечи, которые хотелось потрогать и убедиться, что мышцы такие твердые, какими выглядят.

– Я могу быть свободна? – почти прошептала, что было неуместно.

– А разве ты сейчас не свободна? – ответил вопросом на вопрос, продолжая перебирать в пальцах завиток.

– Я... я имела в виду, на этом все? Могу переодеваться и уходить?

– Ни в коем случае. – Он перевел взгляд на мои глаза. – Я тебе теперь вроде как денег должен.

Он встал и потянулся за рубашкой, продолжив другим тоном:

– Могу перекинуть на карту, Лиля. Так мне удобнее, ты не против? Да, переодевайся.

Я растеряно убежала в ту же комнату. В привычной одежде сразу стало проще и понятнее, а жесткие волосы пришлось убрать под заколку. Зеркало подсказало, что щеки у меня по-прежнему лихорадочно горят. И вот только в этот момент я похвалила себя за смелость. Смогла! И ничего страшного не произошло – никто из посетителей и не узнает в модели меня, если только...

Вылетела в общий зал и уточнила:

– Моего лица точно не будет видно?

– Можешь прийти сюда через пару недель и удостовериться, – Артем снова говорил безразлично и по-деловому. – Выписать тебе вип-карту?

– О, не стоит! – я оценила жест, но карту получить отчаянно не хотела – она будет смущать и звать.

– Тогда пришлю тебе образцы фотографий. Так устроит? Тебя подвезти?

– Не нужно, – я вспомнила о своей тактичности. – У тебя, наверное, море работы!

– Тоже верно. Уже оделась? – Он развернулся. – Кстати, попрошу Гордея распечатать тот кадр, где ткань уже соскользнула, – не для общего пользования, для личного.

– Что? – Я округлила глаза, ведь прекрасно понимала, что таких снимков у фотографа немало – он «выщелкивал» весь процесс.

– Ничего. – Артем обескураживающе улыбнулся. – Я уже говорил, что ты офигенно сбиваешься с толку? Просто ходячая провокация.

Эту встречу я поспешила закончить быстрее – и самой отдышаться, и дать уже возможность директору вернуться к делам, а не возиться со мной. Вышла из «Кинка» через три часа после того, как в него вошла. С гордостью и желанием спрятаться под кроватью. А также с суммой на счету, которая отсрочила поиски работы еще на пару недель. И с вяжущими, но незабываемыми впечатлениями, охарактеризовать которые я смогу когда-нибудь завтра.

И уже в троллейбусе всплыли детали, которые не сразу пришли на ум: Артем предложил меня подвезти, но не настаивал. Однако был не против потратить на меня еще немного времени. Тот самый Артем, который завораживает с расстояния, потому что мне на подсознательном уровне импонирует такой типаж. Он же меня поцеловал – чтобы вызвать злость друга. И опять он же перекинул мне деньги по номеру телефона, – следовательно, он теперь знает мой номер. И ему же я без раздумий написала свой адрес, куда выслать фотографии. Происходило это все мимоходом, без малейших акцентов, но лишь в троллейбусе до меня дошло, что я выложила ему все координаты на блюде. Деньги следовало попросить наличкой, за снимками можно было и заехать самой, но нет – я летела туда, куда меня подталкивали, даже не уловив в этих действиях подтекста. А был ли подтекст? Или мне просто хочется, чтобы он был?

Глава 9

Есть такие впечатления, которые требуют, чтобы ими поделились. И невозможность это осуществить раздражает. Хотя я и подбирала слова, каким образом опишу Кире свою фотосессию, они так и не подошлись. Дело было не в том, что я пожалела о сделанном. Наоборот, воодушевилась очередной победой и ощутила себя сильнее. Но отчего-то в реакции подруги так и угадывалась фраза: «Последние грибы встали на дыбы». Кира не такая, она может и поругать, но беззлобно и всегда разделит переживания, поддержит, так почему я неосознанно от близкого человека жду именно этого? Все-таки проблема в самооценке, если я даже от друзей жду укусов.

Последний вывод и заставил через несколько часов комнатных размышлений и душа отправиться к подруге – пусть будет еще одна победа над собой в этот непростой день. Но открыл мне Кирилл и с порога заявил:

– У моей заказ срочный, на работу вызвали. Ты куда намылилась? Заходи! Слушай, а с курсовой не поможешь? Ты же вроде в расчетах шарить?

И снова это глупое чувство – неловкость оставаться с парнем подруги один на один. Хотя никто на свете меня не заподозрит в легкомысленности! Да и Кира, вернувшись, глазом не моргнет. Что у меня вообще в голове творится? Мои внутричерепные тараканы настолько запуганы?

Я вошла и внимательно просмотрела первую главу, хотя там и придраться было не к чему. Потом приняла предложение выпить чая. Кирилл – совершенно очаровательный парень, умеющий улыбаться открыто и никогда не держащий плохие мысли за пазухой. Он души в Кире не чаёт и очень легок на подъём. И вдруг я решилась – рассказала о фотосессии именно ему. Кратко, без особых подробностей, не упоминая, какие страшные комнаты видела в клубе. И встретила такой буйный восторг, что ненадолго опешила. Кира вернулась как раз в тот момент, когда Кирилл с удивлением сообщал, что никогда не обращал внимания на мою фигурку – а ведь и правда, модель! Подруга со смехом спросила, что происходит. Без грамма ревности или двусмысленностей! И, услышав повторный рассказ, который протекал уже куда легче, присоединилась к комплиментам.

– На бармена ты, мать, конечно, замахнулась! – с горделивым восхищением вещала она. – Там же надо чуть ли не фокусником быть! А фотографии потом покажешь? А он не намекнул, что снова тебя пригласит? По поводу твоей внешности я тебе давно талдычила – но нет же, старая подруга должна быть слепой, не то что бесполой фотограф!

Она давно талдычила, да я и верила отчасти. Просто никогда на внешность ставку не делала. Переоценить поддержку Киры и Кирилла было невозможно, я теперь сама радостно нахваливала себя за этот подвиг. Они так воодушевились моим неожиданным прыжком над собой, что Кира потащила меня в парикмахерскую – мол, срочно надо покрасить мои волосы в ещё более темный цвет и выстричь пряди для объёма. И я на азарте летела за ней, готовая потратить на эту прихоть весь полученный от Артема гонорар.

Уже в руках мастера успокоилась и начала вспоминать, с чего же начались такие кардинальные изменения. С Владимира или с того момента, когда я позволила Гордею потянуть ткань с плеча и не остановила? В любом случае, изменения явно шли на пользу – да хотя бы моему внешнему виду. Сделала заодно маникюр

и скорректировала у профессионала форму бровей, чтобы комплименты Киры звучали еще убедительнее.

Так не хотелось прощаться с подругой, но все же пришлось отпустить ее к любимому, а самой отправиться домой. В троллейбусе я бесконечно доставала из сумочки пудреницу и всматривалась в свое отражение. А что такого, если я завтра и глаза ярче накрашу? Не потому, что перестала быть скромницей, просто к темным волосам нужен чуть более глубокий цвет макияжа. Смотрела, радовалась, но еще и понимала: всего этого недостаточно. Я могу и гардероб со временем сменить, когда постоянную работу найду, и краситься научиться, как наштукатуренные девицы из соцсетей. Но этого не будет достаточно, поскольку каждый мужской взгляд в свою сторону я встречаю невольным смущением, а кроткий характер никуда не делся – он и окажет мне медвежью услугу в следующем трудоустройстве. Надо продолжать двигаться по этому пути, даже когда очень страшно. Зажмуриться и двигаться, чтобы, когда я в очередной раз открою глаза, во взгляде была хоть капля самодовольства, а не жертвенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/orlova_tal-yana/kink-pravo-na-udovol-stvie

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)